

Ярослава ОСОКИНА

ПОТЕРЯННЫЕ ИМЕНА,
ЧУЖИЕ ТЕНИ

16+

Ярослава Осокина

Потерянные имена, чужие тени

«Автор»

2020

Осокина Я.

Потерянные имена, чужие тени / Я. Осокина — «Автор», 2020

Ученый-медик Корнелий Тенда нанял ассистента в тихом городке для помощи с ведением бумаг в путешествии. Он не думал, что вместе с Радой в его жизнь войдут загадки, немыслимые приключения и чудеса. Грубиян и задира Рада вовсе не тот, за кого себя выдает, и вскоре из-за него Корнелий оказывается втянут в расследование странного убийства девушки. Окружающие верят, будто это сделал упырь. Корнелий же верит только в разум и науку, но тут ему придется пересмотреть свои убеждения. Здесь будут разбойники, мертвецы, колдуны и даже один попаданец. В тексте есть гендерная интрига, тайны прошлого.

© Осокина Я., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава первая. Гости маленького города	6
Глава вторая. Вопросы воспитания	15
Глава третья. Вурдалаки и прочие соседи	20
Глава четвертая. Терновые кусты у реки	25
Глава пятая. Два пера	34
Глава шестая. Вежливость как оружие	44
Глава седьмая. Правда или заблуждение	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ярослава Осокина

Потерянные имена, чужие тени

Уважаемый медикус Корнелий Тенда более всего ценил размеренную и предсказуемую жизнь. Это позволяло ему отдавать все силы работе, не размениваясь на глупости.

И каждый раз находя себя в очередном неудобном положении, Корнелий задавался вопросом: кто? Кто виной тому, что он вместо работы вовлечен в совершенно бредовые занятия?

К примеру, когда ему пришлось обшаривать кусты терновника в поисках следа упыря, убившего некую девицу. Или в ту ночь, когда пришлось отстреливаться от толпы навязчивых мертвецов... а, и вот была еще история с кладбищем и разбойниками...

Немало времени он посвятил этим раздумьям, придя к выводу, что все это несомненная вина Раду. Но все это было гораздо, гораздо позже.

Глава первая. Гости маленького города

Война закончилась сразу вслед за летом. Не было ни радости, ни облегчения: только вытопанные поля, сожженные и ограбленные деревни и городки вокруг столицы... мародеры и разбойники, по-прежнему рыскающие на окраинах. В западных предгорьях зима предстояла голодной, и хотя новый король пообещал открыть потайные закрома, никто на это не надеялся: откуда ж там взяться запасам, в этих королевских закромах. На соседей и того меньше надежда была: у них самих еще недавно гремела война.

На дорогах было полно самого разного люда, никогда не знаешь, с кем тебе доведется встретиться – то ли нищенка с ребенком, а то ли какая-нибудь графиня с сыном-наследником разоренных земель милостыню просит. Говорили еще, что скитается где-то по дорогам бывший наследный принц соседней страны, чьего отца казнили еще по весне.

Дажью война почти обошла. В этот тихий городишко у предгорий трижды входили войска: королевские попеременно с ватагами мятежного герцога. Все три раза городской совет встречал войска с распростертыми объятьями, благо, что останавливались они от силы на несколько дней.

Дажья не нужна была никому: город при университете, оживлявшийся разве что по праздникам и по весне, когда у студюзов были краткие вакации. За ней не было ни важных дорог, ни стратегических укреплений.

Войска оставляли горожан с приуменьшившимися припасами, зато целыми и почти не помятыми.

Поэтому окончания войны Дажья считай и не заметила.

Разве что бродячего люда прибавилось: кто перебирался поближе к столице, кто искал места получше.

Почтенный Чезар Валенту этого не одобрял. Все должно быть как положено. Где родился – там и живи, и помирай тоже там. Бродяг и войны он не одобрял, как и снег поздней весной или излишнее тепло в декабре.

Впрочем, несмотря на жесткость суждений, господин Валенту был человек добрый и порой, как говаривала его покойная супруга, слишком мягкий. Это действительно было так, и пока жива была супруга, позволял он ей управлять своим хозяйством, как ей вздумается, и дочки вертели отцом, но хозяином он был рачительным, дела вел твердо, и даже рисковал понемногу, вкладывая деньги в некоторые предприятия.

Но то до войны было. Теперь господин Валенту днями просиживал над бумагами и расчетами, пытаясь вернуть хотя бы часть упущенного за время беспорядков. От этого малоувлекательного занятия однажды днем его отвлек слуга.

– Господин, там с визитом... – слуга замялся, подбирая слова, – двое. Родственники, говорят, из провинции.

– Это как? Что значит «говорят»? – удивился господин Валенту. – А ты чего так туманишь? Кто приехал-то?

– Прошу прощения, господин, – слуга поклонился, скрывая замешательство, – не узнал я. Там двое, юноша и девушка. И вроде видал я их, но не припомню. Потому и пустил, а вдруг правда...

– «Вдруг правда», – сердито передразнил его господин Валенту, – хоть куда пустил? Сейчас вынесут из гостиной, что под руку попадет, а ты так и будешь болтать, что «вдруг и правда».

Но неожиданные гости и не думали разбойничать. Когда господин Валенту несолидно ворвался в малую гостиную, он обнаружил, что юноша и девушка мирно сидят на креслах, ждут.

Молодой человек в черном встал, разворачиваясь гибким, змеиным движением. Его спутница торопливо поднялась, поклонилась и едва слышно поздоровалась.

Господин Валенту растерялся. Их лиц он не помнил.

– Прошу прощения, – осторожно сказал он. – Не ошиблись ли вы?.. Я, к сожалению, не имею чести знать...

Господин Валенту запнулся: девушка вскинула на него отчаянные, полные слез глаза.

– Нет ошибки, – хрипло сказал юноша. – Присмотритесь внимательнее. Мы не раз встречались прежде.

Господин Валенту сначала нервно оглянулся на дверь, раздумывая, не позвонить ли, чтобы слуга выставил странных гостей... потом любопытство одержало верх. «Господин Валенту, – говаривала его покойная жена, – ваше любопытство просто неприлично. Маленькому мальчику еще пристало подобное, но не вам».

Незнакомец глядел на него, прищурился желтые глаза. Осанка, стать и уверенность урожденного дворянина, серебряная серьга в ухе – диковатая традиция глубинки. Черные, неровно обретенные волосы крылом падали на лицо, закрывая его наполовину. Если бы не суровое выражение, то его можно было бы назвать даже миловидным. Девушка была похожа на него, только с более нежными чертами лица. Оба они были одеты в темные одежды какого-то несусветно старомодного покроя: длинный камзол, кафтан с черным шитьем у него и плотный плащ с капюшоном поверх строгого платья у нее.

Девушка сцепила тонкие белые руки и напряженно смотрела в лицо господину Валенту.

И ведь действительно, что-то в них было. Вот этот разлет бровей, четкие скулы – господин Валенту уже видел это все где-то.

Незнакомец нахмурился, поняв, что господин Валенту не может вспомнить, и резко отвернулся к окну, скривив губы.

– Прошу прощения... – снова сказал пожилой господин.

И вдруг он узнал. Только что не мог понять, кто это, выискивал в памяти их черты, казавшиеся знакомыми... и вдруг понял.

Этих людей он давно уже оплакал и похоронил в своем сердце и вовсе не чаял увидеть живыми. Он поминал их в молитвах, но свечи в храме Матушки-Заступницы не жег, опасаясь неудобных вопросов соседей.

Хватило уже, когда до их глубинки донеслись слухи, что буйного мужа покойной сестры господина Валенту казнили как одного из мятежников. О племянниках своих господин Валенту не слышал ничего уже года два и полагал, что они все сгинули. Он крайне осторожно наводил справки и узнал только, что поместье было сожжено – скорее всего вместе со всеми оставшимися обитателями.

Господин Валенту ахнул, закрывая рот рукой.

– Деточки! – воскликнул он. – Деточки мои, так вы живы!

Господин Валенту бросился вперед, в порыве чувств схватил холодные руки девушки и крепко сжал их. Он не стеснялся выступивших слез и только повторял: «Счастье-то какое, какое счастье, деточки, добрались, живые!»

Юноша стоял рядом с ними, а когда господин Валенту повернулся к нему, порываясь и ему пожать руки, шагнул назад и неловко поклонился.

– Что ж вы своими именами-то не назвались? – спросил господин Валенту и позвонил в колокольчик. – А вдруг я бы не узнал, память-то уже не та, не та...

– Нет больше тех имен, – хриплым и все так же незнакомым голосом сказал юноша. – Я Раду, ваш крестник. Это моя сестра Тию, дядюшка. Мы будем очень благодарны, если вы только так будете нас звать.

Он резко поклонился.

Слуга вошел в гостиную, и господин Валенту растерянно ответил:

– Конечно... Раду. Конечно, как лучше... что ж за времена такие...

Он уговорил их остаться к ужину, надеясь расспросить и узнать об их скитаниях побольше, но ничего не вышло. Раду говорил отрывисто и коротко, Тию – едва слышно.

Пожалуй, это был первый раз, когда добрый господин Валенту пожалел об отсутствии за ужином покойной супруги. Та могла разговорить и камень, а сам господин Валенту и его дочь сдались после первой дюжины вопросов.

Дочь господина Валенту, самая младшая из трех, пока не вышедшая замуж, была не менее любопытна, чем отец. Шестнадцатилетней Иоланте не терпелось узнать историю нашедшихся родственников, тем более что она их совсем не помнила.

– А земли ваши?.. – спросил господин Валенту. – Имение какое красивое было...

– Сгорело, – кратко ответил Раду, и господин Валенту неловко покивал.

Остаться у дядюшки они отказались. Где живут, не сказали. Раду только попросил разрешения приходить к обеду или ужину. И еще неохотно признался, что есть у него небольшая просьба. Совет нужен. А к чему, не сказал.

Бедного господина Валенту всю ночь мучили кошмары, и он то и дело просыпался, раздумывая – не обманули ли его незваные гости? Правда ли они те, за кого он их принял?

И спросить-то не у кого было. Покойная супруга уж ответила бы сразу, свои это или нет, мошенники или честные люди, у нее глаз был наметанный. Жалости в ее сердце не водилось.

Раду и Тию исправно приходили каждый день. Иоланта привязалась к девушке, и все вводила ее к себе, почитать модный журнал, посмотреть новые шляпки и ленты, не смущаясь тяжелого взгляда Раду.

Как оказалось, совет ему нужен был непростой. Как добраться до столицы и найти там тетку, да так, чтобы сначала узнать, не в опале ли она, чтобы расспросами еще большую беду на себя не навлечь. Дама эта была дальней родственницей и самому господину Валенту, но связи с ней он не поддерживал.

– К чему вам именно ее искать? Может, останетесь здесь? – предложил дядюшка, невольно втянувшись в дела племянников глубже, чем изначально планировал. – Моей дочери нужна компаньонка. Тебе я помогу найти место... да что там, если сметливость есть, почему бы к моему управляющему помощником не пойти... а, хотя... прости, Раду, я забыл совсем.

– Ничего, – покачал головой тот. – Я сам забываю. Но нам тут никак нельзя оставаться. Слишком близко.

– Думаешь, найдут? – испугался дядюшка. – Да что ж с вами сделать могут? Время-то уже мирное, спокойное, не имеют права... а если в суде, так мы их в суде-то разгромим, у меня знакомства есть, связи.

Раду отвел взгляд и покачал головой. Господину Валенту даже показалось, что он колеблется, и дядюшка приободрился было, но...

– Нам надо добраться до столицы, – сказал Раду. – Благодарю за предложение.

Дядюшка подозревал, что у племянников плохо с деньгами и все раздумывал, как предложить помощь. Очень уж опасался напрямую, боялся, что из гордости Раду откажет, да и не хотелось обидеть ненароком.

Пока же господин Валенту просил иногда Раду сопровождать его в прогулках и деловых визитах, и для пущей презентабельности заказал пару костюмов. Правда, к досаде дядюшки,

племянник настоял на все тех же старомодных фасонах и цветах, – а его дочь придела Тию, отдала ей несколько старых платьев, шляпок и перчаток.

Дядюшка начал было снова раздумывать над тем, как уговорить их остаться в Даже, но один случай положил конец этим раздумьям и дал возможность Раду отправиться дальше.

Теплым ранним вечером дядюшка и племянник возвращались домой к ужину, когда внимание господина Валенту привлек странный шум.

Они остановились у входа в небольшой темный переулок. Там, под прикрытием перевернутой набок телеги, трое жилистых мужичков избивали плохо различимого в полумраке человека. Тот пытался заслониться тростью, что-то говорил, задыхаясь, но его не слушали. Один все норовил добраться до кошель незадачливого прохожего, двое других методично работали кулаками, негромко выдыхая: «ыхх, ублюдок... да стой ты, кудыть тебя...»

Дядюшка ахнул, и Раду покосился на него. Отметил про себя, что прохожему грозит остаться не только без кошель, но и без зубов, дорогой трости, и если будет сопротивляться и дальше, то и без жизни. Другой бы давно отдал все, что нужно, и шел дальше, а этот упирается.

– Р... Раду! Ведь я знаю его, это же господин медикус... надо что-то делать, – зашептал дядюшка. Он поднял голову и взглянул в спокойные глаза крестника. – Помочь как-то надо...

– Кому помогать? – деловито осведомился Раду, снимая с пояса и аккуратно надевая перчатки.

– Раду! – возмущенно воскликнул дядюшка, невольно привлекая внимание грабителей.

– Эй, ну ты эта.. а ну иди мимо! – сипло прикрикнул один из них.

– Помогите господину медикусу, – тихо сказал дядюшка, невольно отступая.

Раду криво ухмыльнулся и бросился вперед. Мужички, недоуменно и зло шурились, отвлекшись от лекаря. Драться им было не впервой, они порядочно наострились в этом деле и не боялись всяких героических пареньков... к тому же их было ровно втрое больше.

Удар незнакомца, так некстати появившегося и помешавшего обещавшему быть удачным делу, оказался неожиданно болезненным, будто молотком приложили. Грабитель мотнул головой, пытаясь увернуться и одновременно ударить поддых – уж лучше бы что-то одно выбрал, потому что незнакомец схватил его за атакующую руку, вывернул и толкнул на подельников.

Потом-то они пересчитывали свои синяки и смывали кровь с разбитых лиц и все винили старшего – мол, и на прохожего, как на легкую добычу он их навел, и пацану-задохлику поддался, отчего и им досталось. Но тогда, в темном переулке, они пытались хотя бы увернуться от быстрых и жестких ударов (еще бы, стальные пластины в перчатки вшитые, это вам не шутка), а вдруг кто-то из них крикнул, что пора сматываться, и они позорно сбежали, от злого и сосредоточенного лица, худых мосластых рук и свистящего дыхания сквозь зубы. Конечно, в безопасности уже находясь, они решили, что если бы сразу все навалились, то навешали так, что пацан не встал потом и до скорой смерти заливался бы кровью.

Раду же, не подозревая о своей возможной участи, поднял брошенную медикусом трость и сунул ее хозяину, внимательно вглядываясь в его лицо. Прошедшая драка не оставила на нем следов – всего лишь одна царапина на скуле.

– Экий вы ловкий, – хмуро протянул Раду. – Смотри-ка, ни разу вас сильно не приложили? Что же сами с ними не справились?

Мужчина принял из его рук трость и распрямился, так же внимательно разглядывая лицо Раду, как и тот его.

– Берегу руки, – скупно пояснил он.

Был он на полголовы выше Раду, плотнее и шире в плечах, длинные темные волосы аккуратно собраны в узел на затылке, черные одежды, хоть и казались простоватыми, тем не менее были хорошо пошиты.

Раду нахмурился, встретившись глазами с медикусом: слишком жесткий взгляд, слишком пронизательный. Раду подобрался, отступил.

– Если господин в порядке, мы, с вашего позволения, продолжим свой путь, – сухо сказал Раду, слегка поклонившись.

К его удивлению и досаде, медикус покачал головой:

– Нет, нет! Не могу позволить себе оставить своих спасителей без благодарности! Я живу поблизости, прошу пройти ко мне. К сожалению, никакого особенного угощения предложить не могу, но...

Он повертел в воздухе кистью руки, и Раду понял, что медикус придумывает на ходу. Он оглянулся на крестного, еле заметно мотнув головой. Но дядюшка и не заметил этого движения, радуясь, что так все обошлось. Он похлопывал Раду по плечу, нахваливая его и нервически похохатывая. Потом спохватившись, представил крестника и медикуса друг другу.

Господин Корнелий Тенда вежливо кивнул, но в ответ Раду лишь невежливо нахмурился.

Дядюшка не обращал внимания на сердитые взгляды Раду, и потому они каким-то образом вскоре оказались у дома господина Тенды, внушительного темного особняка на тихой улочке вдали от Базарной площади.

Внутри было темно и пусто. Пахло травами – удивительно для городского дома, – и еще чем-то резким, едким. Двое слуг, старик и старуха, беззвучно скользили в тенях комнат, подавая чай.

– Я уезжаю на днях, – говорил господин Тенда, усаживаясь во главе стола. – Поэтому прошу простить за неустроенность и скудную трапезу.

Они с дядюшкой обсудили дороги, развороченные военными действиями, невнимание нынешних властей, подорожные налоги, которые требовалось платить чуть ли не каждые десять миль, погоду, которая все портилась и портилась. Раду в разговоре не участвовал, мрачно помешивая изящной серебряной ложечкой чай. Сладкий он не выносил, но старуха, не спрашивая, насыпала ему от души. Сидел он сгорбившись, всем видом выражая неудовольствие происходящим.

Когда господин Тенда заговорил о том, что его помощник недавно серьезно заболел и оставил службу, Раду исподлобья глянул на него.

– Что мне делать, не знаю, – развел руками медикус. – Ведь у меня столько забот, и в дороге необходима помощь. Мои слуги, которых вы видели, живут здесь, да и по состоянию здоровья я бы не рискнул их с собой возить. А мне всего-то нужен образованный молодой человек, который бы заботился о дорожных издержках и впоследствии домашнем хозяйстве. А мои исследования! Один я не справлюсь со всеми мелочами...

Дядюшка оживился, порываясь все сказать что-то и взволнованно поглядывая на Раду. Едва господин Тенда сделал паузу, дядюшка воскликнул:

– Так вот мой крестник! Он и образован, и некоторым наукам обучен, и, более того, им необходимо в скором времени отправляться в столицу.

– Да, столицу я непременно миную по пути, – подтвердил господин Тенда.

– Я не один, – строго сказал Раду. – Со мной путешествует сестра.

Расценив это заявление как согласие, господин Валенту успокоенно вздохнул, а медикус подался вперед, сцепив руки в замок.

– Я бы поэкзаменовал вас, если вы позволите... и я был бы рад назвать вас своим помощником.

Раду жестом остановил начавшего было говорить дядюшку и тоже подался вперед. Его бледное лицо стало очень серьезным.

– Не скрою, – хриплым голосом сказал он, и господин Валенту поразился, с каким старанием Раду пытался говорить вежливо. – что этим своим предложением вы сильно нас выручите. Давайте условимся о времени экзаменовки.

– Непременно, непременно, – улыбаясь сказал господин Тенда, и его черные глаза блестя от удовольствия. – Мне кажется, у нас не возникнет особых проблем! Такой достойный молодой человек, способный постоять за себя, и к тому же пекущийся о сестре... Вы мне уже нравитесь! Правда, должен предупредить, работы у меня будет много, а сам я требователен.

Дядюшка и медикус расстались в весьма приподнятом состоянии духа, Раду же, напротив, был еще более тих и угрюм, чем раньше. По дороге он попытался расспросить дядюшку о медикусе.

Услышанное едва ли успокоило его: Корнелий Тенда в городе бывал наездами, в основном жил или в столице или в своей небольшой усадьбе под Тичанами, много о нем не знали, разве что вот не женат, зело учен, необщителен, и будь это все лет сто назад, то давно бы сожгли его вместе с лабораторией и теми штуками, что он в своей оранжерее разводит.

– Что же, поддерживал он герцога или нынешнего короля? – нервно спросил Раду.

– Э нет, что ты. У нас тут все за короля, сам знаешь. А господин медикус последний год в Збысских горах провел. Ну, как он это говорит. А там кто его знает.

Раду кивнул. Эти три неполных года войны если чему и научили людей, так это держать язык за зубами: кто да за кого. Сегодня твои соседи все за короля, а завтра, глядишь, повсюду герцогские флаги с желтым медведем мелькают, и один сосед твой между ними болтается, а второй бежит докладывать, кто еще там за короля был. Дюжина дней пройдет, и вот вновь лазоревые стяги с алыми крестами королевской династии, и снова кто-то там болтается меж ними. Делай вид, что ты пылинка последняя, что тебя нет, – и может быть, как-то переживешь кровавые эти волны. Ведь там какая разница, кто сидит на троне, все одно тебя-то будут обдирать да унижать.

А как ни крути, живым быть лучше: стерпи все, да и пройдет оно как-то.

Подобная философия была не чужда Раду, давно уже отвыкшего встречать новый день с какими-либо добрыми чувствами. Однако же счастливый случай, что свел его с господином медикусом вселял некую надежду, что далее жизнь может стать более устроенной. И менее опасной.

На следующий день, за час до полудня, когда обычные горожане давно уже на ногах, а знатные едва-едва открывают глаза, в дом господина медикуса, в условленное время постучал молодой человек в сопровождении девушки, закутанной в темную накидку.

Корнелий, который из своего кабинета слышал стук, покачал головой: сразу же за этим стали бить часы на площади мученицы Агаты. Нарочно ли Раду пришел так точно, или же это в его обычаях? Старик-слуга пришел доложить о гостях, и господин медикус велел отвести их в красную гостиную, и сам, выждав некоторое время и собравшись с мыслями, спустился туда же.

Красная гостиная была не очень удобной угловой комнатой, вытянутой в длину. Темно-багряные бумажные обои, бывшие некогда в моде, местами выцвели, дубовая мебель и массивные книжные шкафы изящества обстановке не добавляли. Хотя слуги поддерживали ее в чистоте, пользовались ею весьма редко: ни позабытых личных вещей, ни раскрытых книг, даже цветы, что стояли в вазе у окна, давно высохли.

Брат и сестра не присаживались. Девушка стояла у высокого, часто переплетенного окна, рассеянно всматриваясь в тихую улочку за ним. Раду скучал у книжного шкафа, изучая корешки стоявших там книг. Едва Корнелий зашел, девушка испуганно встрепенулась и, повернувшись, замерла. Раду сразу же прошел к ней и встал рядом.

– Доброе утро, мой мальчик, – радушно произнес Корнелий, и по лицу юноши пробежала тень.

Едва ли меж ними был десяток лет разницы, и его могло оскорбить такое снисходительное обращение, подумал Корнелий.

– Доброе утро, господин Тенда, – тщательно контролируя свой голос, ответил Раду. – Позвольте представить вам... Моя сестра, Тию.

Девушка присела в изящном реверансе. Они и в самом деле были похожи, эти двое, хотя девушка была более нежным вариантом старшего брата и казалась настоящей красавицей. Ее большие темные глаза, личико сердечком и волнительно очерченные губы не могли не привлекать внимания. Однако же и одежда ее, и прическа были весьма строги. Корнелий не стал задавать вопросов: у кого в эти дни не было проблем со средствами к существованию, да и темные одежды могли говорить только о том, что в их семье было горе.

– Весьма рада знакомству, – еле слышно прошелестела Тию.

Старуха ввезла в гостиную накрытый к чаю столик и, повинувшись жесту господина медика, вышла.

Корнелий предложил Тию стать хозяйкой за чайным столиком, и та сразу же испуганно вскинула глаза на брата. Раду, поколебавшись, кивнул.

Следующие полчаса они пили чай, пытаясь поддерживать мало-мальски светский разговор. Корнелий и сам не большой охотник до пустых бесед, однако же имел некоторый опыт и мог, как, например, вчера, при наличии словоохотливого гостя завести приличную беседу, но теперь понял лишь одно: при довольно изящных манерах, оба его гостя – отвратительные собеседники. Раду отвечал неохотно и скупно. Сестра его говорила едва слышно, словно боялась своего голоса, так что Корнелий вскоре оставил эту обоюдную пытку, позвонив в колокольчик, чтоб убрали.

– Итак, начнем, – проговорил он, откидываясь в кресле.

Раду устроился напротив, а сестра его отошла к окну, присев там на высокий стул. Ее тонкий профиль с печально опущенными уголками губ на фоне окна был теперь прямо перед глазами Корнелия.

– Я не спрашиваю, какого вы роду, – произнес господин лекарь. – Сейчас это дурной тон, но я вижу, что вы достаточно воспитаны и, должно быть, сведущи в некоторых тонкостях вроде поведения за столом, сервировки, написания различных писем и прочая, и прочая?

Раду кивнул.

– Теперь одно из основных моих требований – четкое письмо без ошибок. Готовы к небольшой экзаменовке?

– Прощу вас, – отрывисто отозвался Раду.

Юноша нравился Корнелию все больше. Его серьезность и отсутствие ужимок, модных у столичной молодежи, даже эта небрежность к внешнему виду и хриплый резкий голос. Впрочем, Корнелий уже заметил, что волосы, падающие на лицо юноши, на самом деле скрывают круглый, неровно заживший шрам под правым глазом, определил, что хриплый голос, скорее всего, – следствие некой травмы, и все вместе, вкуче со вчерашним наглядным свидетельством, говорило о том, что юноша имел достаточный жизненный опыт.

В углу гостиной стоял небольшой стол с письменным прибором – наследие уже почившей дамы, у которой Корнелий когда-то приобрел этот дом. Раду устроился за ним, не представляя какое несуразное впечатление производит сейчас, больше похожий на нахохлившегося ворона, чем на примерного секретаря.

Корнелий наобум процитировал несколько фраз на латыни, затем вспомнил и надиктовал монолог из недавно виденного спектакля, пошленький куплет, слышанный им третьего дня на улице и пару предложений на английском. Раду покосился удивленно, но все прилежно записал. Присыпал песком, стяхнул и передал Корнелию.

Господин медикус остался доволен. Хотя почерк у Раду был достаточно угловат, писал он понятно, и несколько ошибок допустил только в английских фразах.

Они снова сели напротив друг друга в кресла, и Корнелий повел разговор далее, выпрашивая, что еще знает юноша, какие науки изучал, приходилось ли путешествовать, сможет ли он присматривать за домом, нанимать слуг и следить за ними и так далее и тому подобное.

В свою очередь Раду спрашивал, на каких условиях предлагается вести работу, за какое вознаграждение, возможно ли с ними путешествие сестры.

В конце концов, оба откинулись на спинки кресел, вздохнув.

– Я беру вас на службу, – объявил Корнелий. – Случай не мог бы распорядиться удачнее, сведя нас вчера. Грех будет им не воспользоваться.

Раду молча посмотрел на него, не возражая.

– Отъезд назначен на конец недели. Успеете собраться?

– Безусловно, – отозвался Раду.

Черные брови его сошлись на переносице и губы вдруг искривились, словно он готовился к чему-то неприятному.

– Должен вам сказать... – начал он, явно принуждая себя говорить. – Мы думали вчера, стоит или не стоит признаваться. Но так или иначе, правда может всплыть и сама, так что не хотелось бы оказаться в двусмысленном положении, да и было бы некрасиво обманывать вас.

Раду встал, отойдя за спинку кресла и опершись на него руками.

– Дело в том, – произнес он недовольно, – что я женщина.

Видя, как у совершенно не ожидавшего такого поворота Корнелия лезут глаза на лоб, Раду раздраженно добавил:

– Разумеется, это сделано для соблюдения инкогнито. Есть определенные люди, с которыми нам не хотелось бы встречаться. Поэтому нам важно скорее уехать отсюда и непременно именно так. Мы путешествуем уже больше года и, до сих пор еще никто не прозрел сути.

– Поразительно, – прошептал Корнелий. – У меня и мысли не закралось, что... Позвольте, я бегло осмотрю вас? Это практически мою честь как медика задевает, неужели я был так слеп...

Он пружинисто вскочил с кресла и одним порывом оказался рядом с Раду. Корнелий схватил его за подбородок и внимательно оглядел лицо со всех сторон, бесцеремонно поворачивая голову Раду.

– На самом деле, никто еще не догадался, – вдруг сказала от окна Тию. Ее настоящий голос оказался на диво звучным и приятным. – Вы не исключение.

Корнелий едва ли слышал ее. Раду замер, лишь тонкие ноздри раздувались, показывая сдерживаемое раздражение.

– Рост скорее средний для мужчины, но для женщины высокий, это да, – комментировал медикус. – Телосложение слишком худощавое в любом случае, но характерные черты вроде узких плеч спрятаны под одеждой с подкладкой... Бедра широковаты, но под длинным камзолom этого не видно... А я-то думал, что за странные пристрастия в одежде... Грудь, видимо, перевязана?

Раду быстро отбил потянувшиеся было в ту сторону руки медикуса, но тот не смутился, продолжил осмотр:

– Адамово яблоко... конечно, слабо выражено, но тем не менее слегка выдается, а тонкая шея опять же одеждой прикрыта... Что у вас с голосом? Была какая-то травма?

– Да, – отозвался Раду, не вдаваясь в подробности.

– Н-ну что ж, это и понятно... Черты лица... черты лица довольно четкие и резкие, но все же соразмерные... тут не придерешься. И несмотря на то что я уже знаю правду, ни грана женственности в вашей ауре не ощущаю... Нет, вы положительно интереснейший объект!

Он отступил от Раду, восхищенно оглядывая его.

– Вы хранили эту тайну так долго и вот мне, первому встречному, открываете? А что, если я не буду брать вас на службу?

– Мы думали весь вечер над этим, – нехотя отозвался Раду, оправляя одежду и не глядя на него. – Решили, что ввиду долгосрочности общения и важности той услуги, что вы невольно нам оказываете, правду стоит раскрыть. Есть ли разница, кто я в самом деле, если я умею то, что умею? Чуть раньше вы были удовлетворены моими навыками.

Раду остро глянул на него и добавил:

– Если же хотите кому это открыть, то... я вам не советую.

Не было угрозы в желтых глазах Раду и голос его звучал достаточно ровно, и все же Корнелия несколько пробрало морозцем – он и сам себе удивился.

Он глянул на сестру этого странного человека, и девушка, словно извиняясь, улыбнулась, отчего на ее щеках появились премилые ямочки.

Корнелий решительно прошагал к креслу и позвонил в колокольчик. Неспешно вошедшей старухе он приказал принести вина.

– Несомненно, я бы не смог теперь с вами расстаться. К тому же, как вам наверно известно, сам я не из этих мест. А там, откуда я родом, женщины в тех же правах живут, что и мужчины, работают и сами решают свою судьбу. Так что мне это не кажется удивительным или чем-то из ряда вон...

Господин медикус прервался, когда старуха внесла поднос с вином и печеньем. Он щедро плеснул себе и откинулся в кресле.

– Правда за правду, уважаемые. Должен вам сказать, одну вещь, которая может вам помешать остаться со мной, однако же, со временем оно бы все равно вскрылось. Дело в том, что я некоторым образом использую в своих экспериментах элементы магии.

Раду почти не меняясь в лице, переглянулся с сестрой.

– Кажется, я вас не удивил, – расстроился Корнелий.

– Что вы, – неубедительно соврала Тию.

– Я еще вчера у вас в доме почуял, – пояснил Раду. – Следы магии я ощущаю.

– Интере-есно, – протянул Корнелий, все более преисполняясь чувством, что откопал настоящий самородок.

Особенно если учесть, что сам он и в глаза никакой магии не видел и не верил в нее. Называл так свои занятия единственно для того, чтобы избежать других, более неудобных вопросов.

Глава вторая. Вопросы воспитания

Корнелий неумолимо наблюдал за своим новым помощником. Обычная скука долгой дороги теперь и не посещала его, вытесненная любопытством. Господин медикус даже начал записывать свои наблюдения на полях дневника. По старой университетской привычке он вел несколько дневников: личный и с научными наблюдениями. Раду, сам не зная того, удостоился чести попасть на широкие поля личного дневника.

Раду чуял взгляд Корнелия даже спиной (это тоже было любопытное явление). Злился, что было забавно.

В нем не было женского ни на гран. Ни походка, ни осанка, ни речь не выдавали в нем девушку. Просто вздорный сварливый юнец, чуть что лезущий в драку.

Корнелий все ожидал, что на одном из постоянных дворов эти стычки и ссоры выльются в настоящую драку насмерть. Но если война чему и научила людей, так это чуют силу, а в Раду она была. Сила и отчаянность – сразу было видно, что этот не отступит. Корнелий порой задумывался, сколько в этой силе бравады и дури, но до сих пор Раду еще не попадал в настоящему серьезную переделку... по крайней мере, на глазах Корнелия.

Корнелий не сразу заметил, что точно так же за ним самим наблюдает Тию. Разве что дневник не ведет. «Ох, вот тоже загадка, а притворяется пустышкой», – подумал тогда Корнелий.

Тию и Раду были как луна и солнце, и Тию казалась лунной: безмятежной, тихой. Такой спокойной и нежной, что никогда и не вспомнишь, что у луны всегда есть темная сторона. Поначалу Корнелий думал, что за негромким голосом и милым личиком спрятаны только девичья глупость и излишняя стеснительность, но со временем девушка привыкла к нему, и порой Корнелий видел, что там на самом деле скрывается недюжинный ум и железная выдержка. Она помогала Раду разбирать бумаги Корнелия, и ее аккуратность и терпение нравились господину медикусу.

Порой они с Тию вдвоем, как зрители бродячего театра, смотрели на Раду и его очередную стычку.

Раду был весь на виду. Он привлекал внимание, он не оставлял равнодушных, и Корнелий не уставал восхищаться.

Идеальная маскировка.

Если Раду кто-то говорил, что у него смазливая морда, как у девчонки, то Раду не терялся, не оправдывался и не пугался, что его раскрыли. Где там внутри была юная девица, воспитанная далеко не в крестьянской семье? Корнелий ее не видел. Видел только ощерившегося юнца, который тут же натягивал перчатки – если они уже не были надеты, – и разбивал обидчику лицо в кровь.

– Совершенно недостойное дворянского сына поведение, – посмеиваясь, как-то сказал Корнелий после очередной драки.

Раду слизнул капельки пота с губы и ничего не ответил. В следующий раз он дал себе труд просипеть нечто вроде «защищайся, ублюдок». И Корнелий тогда подумал, что воспитание молодежи – дело весьма хлопотное.

***

Корнелий планировал заехать на несколько дней в Тичаны, где у него было небольшое поместье. Раду и Тию прежде не бывали в тех краях, и потому спокойно согласились задержаться там.

Тичаны был небольшим городком невдалеке от крупного тракта. Полдня пути до поместья местного князя, столько же – до большого торгового города, в котором жители Тичан укрывались – если успевали, – во время войны. Впрочем, именно в этом княжестве военные действия не велись. А вот разбойный люд всю здесь хозяйничал, пока князь с ополчением проливал кровь за короля. Корнелий краем уха слышал страшные истории, о том, что происходило тут – будто бы и человекоторговцы девок увозили, и что святилища грабили, и много еще чего.

Князь местный с самого начала выступал за нынешнего короля, да еще и отличился на войне, так что с его возвращением княжество процветало, а разбойников теперь выпальвали как сорную траву.

Но с сорной травой как: пока мелкая, разве поймешь что это? В одном месте выдернешь, а она уже в других лезет. Тяжелое дело.

***

Знакомство с городом произошло... выразительно. Корнелий сказал бы даже, что в некотором роде удачно.

Сам он сколько бы ни приезжал в этот город, сколько бы там ни жил, никакого уважения у местных не сыскал. Практику там он не открывал, поместье было далеко за чертой стен, и потому как чужаком был, так и остался.

В этот раз он собирался передохнуть в поместье неделю, заранее послал весточку своему слуге, который следил за домом. Знал, что тот весьма нерасторопен и потому приказал остановиться сначала в гостинице на въезде в город – с тем, чтобы еще раз послать какого-нибудь мальчишку в поместье и удостовериться, что там все приготовлено.

А то ведь бывало уже, Корнелий приезжал и самолично будил лежебоку, который только что и сделал за все время, что одно из окон в гостиной открыл.

И вот Корнелий и Тию стояли на широкой прохладной веранде гостиницы, Тию утомленно обмахивалась веером, устав от долгой дороги, а Корнелий наблюдал за разгрузкой их багажа. Точнее сказать, наблюдал за Раду, который этим руководил.

Раду не нужно было кричать, как многим другим управляющим, которых видел Корнелий. Раду шипел самым злобным образом, ни капли не стесняясь в выражениях.

Слуги долго не выдерживали, всякая спесь да неторопливость с них вмиг слетала. Они будто чуяли, что вот этот человек прибудет, не задумываясь, как муху какую.

Разгрузка вроде и завершена была, Раду рассчитывался с кучером наемной кареты – Корнелий после нескольких первых дней доверил ему вести все расходы по путешествию, – как из переулка напротив гостиницы выскочила мелкая и растрепанная девчушка. Она рыбкой нырнула между снующими слугами, но бежала неловко и, споткнувшись, врезалась прямо в Раду.

И только ойкнула, отскочив, а потом попыталась мимо него пробежать дальше.

Раду схватил ее за шиворот и поставил перед собой.

– Глаз нет, что ли? – разъяренно спросил он. – Чего несешься, не глядя?

Девчушка подняла на него залитое слезами лицо, и Раду склонил голову к плечу.

– Ой, господин, – торопливо зашептала она, – прощенья прошу, ой не нарочно я, не со зла! Отпусти меня, ради матери-заступницы!

Может, Раду бы и отпустил, на что она ему сдалась, но из того же переулка выскочили трое мужиков, и тут уже слугам пришлось расступиться. Мужики не особо крупные, да морды больно злые и кулаки разбитые.

– А ну, господинчик, – окликнул тот, что постарше, – отпусти девку, наша она.

Слуги уже побросали вещи, расступились, а кое-кто и заухмылялся – а вдруг сейчас господинчику морду начистят? Небось шипеть меньше будет, гонору убавится.

Раду за шкирку же приподнял обмякшую от испуга девчонку и спросил:

– Вот эта, что ли? – потом повернул к себе лицом, – Это как это ты «их»?

– Я не ихняя, господин, – обмирающее сказала она. – Не ихняя. Снасилъничать хотели, папаша меня за долги отдал.

– Чё, глухой, что ли, господинчик? – с ухмылкой спросил мужик. – Давай-ка нам. А опосля и поделиться можем. За денежку. Небольшую, потому как в поимке способствовал. Тиба благодарным быть умеет.

– Ты, что ли, Тиба? – вздергивая подбородок, спросил Раду.

Корнелий заметил, как подобралась Тию, выпрямилась, ровно сложив ладони перед собой. Ее тонкое личико застыло.

«Чертов дурень Раду, – выругался про себя Корнелий, – везде ж приключения найдет.»

– Тию, мне стоит вмешаться, – тихо сказал он, – а вы оставайтесь здесь...

Она положила руку поверх его рукава и качнула головой.

– Не стоит, господин Тенда, – сказала она. – Для Раду это не соперники.

– Ах ты ж, смотри, опять Тиба, – плачуще воскликнула за их спинами женщина. – Да что ж ему нейметя, окаянному, чтоб пусто ему было! Опять девочку забижает...

То была жена хозяина гостиницы, маленькая, худая женщина, с красным лицом и руками. Она не переставая терла их передником и причитала вполголоса, пока муж не вышел следом и не одернул ее.

– Да сдалась нам эта девчонка, – с досадой сказал он, – к постояльцам цепляются опять, а мои-то бараны и не пикнут... Господин, так то ваш молодец, да? Уж вы бы позвали его, не ровен час покалечат....

– Что вы, – всплеснула руками Тию, – это как бы мой брат ни разошелся, да опять не было беды с властями... он у меня злой, чуть какую несправедливость видит, так сразу на защиту идет! А сильный, знаете какой? Вы не смотрите, что он не крупный, он сильный!

Корнелий закашлялся, кулаком прикрывая рот. Не далее как вчера «любитель справедливости» отвешивал пинков мальчишкам в одной деревеньке, где они останавливались на отдых. Двоим – за то, что третьего макали в лужу головой, а самому пострадавшему – за то, что не сопротивлялся. Потом расквасил нос папаше одного из задир, который влез было в педагогическую науку Раду. Побитый мальчишка как раз спрашивал Раду, надрываясь от слез: «Ведь они сильнее! Разве ж я могу что сделать?!» Раду свалил парой ударов вопящего мужика и ответил: «Бей, а потом посмотришь».

Кажется, из него воспитатель молодежи вышел бы еще хуже, чем из Корнелия.

«Боже мой, – подумал Корнелий, – да хоть был день, чтобы мы тихо где-нибудь проехали, не встречая никуда?»

– Ну ежели так, – с сомнением сказал хозяин гостиницы, – с властями-то никакой беды не будет, только в ножки поклонятся, спасибо скажут. У нас стражи всего-то полдюжины стрелков, да господин капитан. За всем не углядят, а эти хуже нарыва, уж простит меня юная госпожа.

И это было хорошо. Потому что Раду как раз в этот момент, оборвав надоевший ему разговор, с ноги врезал Тибе под колено и нырнул вперед, уходя от ответного удара. Девицу он швырнул перед этим в сторону, вроде и ненароком сбив с ног одного из троих разбойников.

Раду был быстр и гибок, он по большей части уходил от всех ударов – и немудрено, думал Корнелий, противники били жестко. Попади хоть парочка ударов в цель, и Раду мгновенно бы потерял преимущество в скорости и верткости.

Девчонка, дура, вместо того, чтобы бежать куда глаза глядят, рванула обратно к Раду, прячась за его спиной и хватая за рукава. Вот поистине, помощь хуже вредительства, Раду едва

только успел оттолкнуть ее и отмахнуться от ревающего как раненый олень компаньона Тибы. Кровь из разбитой брови заливала разбойнику глаза, и бил он почти наугад, толкнув пару раз и самого Тибу.

Почти одновременно Раду и Тиба свалили незадачливого «оленья» – Тиба от досады, а Раду расчетом, и следом они сцепились друг с другом.

Тию ахнула, подалась вперед, сжимая перед грудью тонкие руки.

– Раду! – воскликнула она. – Только не убивай его! Будь милосерден!

Корнелий покосился на нее.

– Неожиданно, – прокомментировал Корнелий. – Думал, вы за него переживаете.

Тию взглянула на него: темные глаза – тихие озера, и что там в глубине под гладью?

– Воздействие на противника и создание нужного образа, – едва слышно сказала она, – часть победы.

Тем временем Раду начали подбадривать и недавно возмущенные слуги, и мимо проходящие зеваки, да и хозяйева гостиницы не отставали. Девчонка наконец отошла подальше, и Тию подозвала ее к себе, чтобы та больше не мешалась под ногами.

Драка разрешилась неожиданно и быстро. Раду вконец озлился, а тут Тиба за ножом полез... едва только сверкнуло на солнце его лезвие, Тию коротко вскрикнула, как-то по-особому позвав: «Раду!», и тот змеей извернулся, уворачиваясь.

А потом вороненой сталью мелькнул его изогнутый клинок, и пару мгновений спустя Тиба лежал на земле, хватаясь руками за грудь. Сквозь разрезы на рубахе толчками лилась темная кровь. Раду наступил каблуком на упавший нож Тибы, и лезвие тонко взвизгнуло, ломаясь на куски.

Вздохмаченный, злой Раду схватил за шиворот оставшегося на ногах подельника Тибы и подтянул ближе.

Медленно вытер окровавленное лезвие о грязную рубаху мужичка и выцедил в искаженное лицо:

– Уберись тут, смерд. Еще раз увижу кого из вас, убью сразу.

И отступил, вкладывая кинжал в ножны.

Пару мгновений стояла глухая тишина. Раду упер руки в бока, наблюдая за сопящим мужичком. Тот мялся, не зная, с чего начать, потом подхватил хрипящего Тибу под мышки и поволок прочь, по дороге пнув третьего подельника в бок.

– Эк вы его, – с уважением сказал один из слуг, потом почесал бороду и признался: – Я на той неделе пьяный шел домой, так они, суки, хотели кошель у меня забрать...

– И как, забрали? – хмуро спросил Раду, уже заранее презрительно скривив рот.

– Куда им! – фыркнул тот. – Я ж его и пропил как раз.

Раду поднял бровь, не ожидав такого ответа, а потом вдруг захохотал, хрипло и надсадно, и остальные подхватили, так что вслед разбойникам еще долго несея дружный гогот. К Раду подходили уважительно потрясти за руку, да восхититься, как не «забоялся господин такого дурного человека».

– Ах, боже мой, – устало вздохнула Тию. – С вашего разрешения, господин Тенда, я пойду отдохну. Вся эта дорога вымотала меня донельзя. А ты ступай, милая, эти разбойники тебя не тронут.

Заплаканная девица мелко закивала, поцеловала руку Тию и, оглядываясь на Раду, побежала прочь.

Корнелий кивнул, поглядел еще немного, как споро и оживленно слуги хватают вещи, еще недавно побросанные кое-как на землю, и пошел следом за Тию.

– А ведь я думал, не примут, освистают или как-то еще выкажут недовольство, – пробормотал Корнелий.

Тию, не оборачиваясь, пожала плечами.

То мгновение сразу после драки, обрывок тишины, когда все замолчали, а побитый разбойник тащил Тибу прочь, казался теперь Корнелию переломным. Чуть пошло бы не так – и Раду оказался бы в глазах толпы не героем, а таким же злом, как и Тиба. Они ведь и готовы были его отринуть, он им не нравился, высокомерный, придирачивый господинчик.

И вот же эдак повернулось все.

Про себя Корнелий решил, что устроит все дела побыстрее, и постарается уехать раньше срока. Мало ли что – вдруг Тиба жив останется, сам мстить решит, или еще кого найдет? Где тут Корнелий себе другого помощника найти сможет? Да и с Раду не хотелось расставаться, не расколол еще этот хитрый орех-загадку.

А как говорят в народе? Вот так: задумал что – уменьши втрое задуманную прибыль, добавь вдвое больше затрат. Так оно и выходит, труда всегда больше, а итог оставляет желать лучшего.

Корнелий еще не знал, что задержаться в Тичанах ему придется надолго.

Глава третья. Вурдалаки и прочие соседи

Тию писала письма. По утрам, когда Корнелий спускался к завтраку, она выходила из маленькой угловой гостиной, держа стопку листов, и спокойно кивала ему. Вечерами, когда Корнелий устраивался перед камином с книгой и заметками, а Раду выполнял задания или составлял планы на следующий день, Тию тихо сидела за письменным столом и писала. Мерный скрип пера и шорох песка успокаивал, но Корнелий все больше любопытствовал, кому и что пишет девушка?

– Я пишу дяде и его дочери, в Дажью, – ответила Тию. – Я обещала им.

– Каждый день? И так много?

– Я пишу о том, что с нами за тот год случилось. Всяческие события, которые происходили. Еще я для Иоланты зарисовываю пейзажи и дома. Она сказала, что по ним сочиняет истории. Она хочет быть писательницей.

– Женщин не печатают, – отозвался из угла Раду, который разбирал по папкам заметки Корнелия.

– У нас печатают, – возразил Корнелий, потом осекся и уточнил: – Это очень далеко, можно сказать, что не считается.

Собеседники поглядели на него с любопытством, но Корнелий продолжать не стал. Махнул рукой, показывая, что больше никого не отвлекает, и вернулся к своей книге.

По его расчетам выходило, что еще пара дней – и можно собираться в дальнейший путь. Тем более, что пребывание в тичанском имении оказалось куда накладнее и беспокойнее обычного.

Раду тут же сцепился с прежним слугой, не давая тому отдохнуть как следует, вылавливал в самых потаенных уголках имения и за ухо тащил исполнять работу. Никакого уважения к заведенным порядкам и размеренности у Раду не было, одни оскорбления для почтенного слуги да тычки.

Так что тот ушел, и еще приходящую кухарку от дома отвадил, наврал ей с три короба, мол, хозяин – колдун, сживет со свету.

Корнелий решил было, что искать новую нет необходимости, тем более что гостей он принимать не собирался. Но видя, что даже с помощью Тию Раду ничего не успевает, распорядился чтобы в городе нашли пару женщин – для уборки и готовки.

Тичаны понравились Раду. В городе уже стояла теплая солнечная осень, и в воздухе плясали паутинки.

На северо-востоке возвышались горы, покрытые лесами, и Раду по вечерам разглядывал их непривычные глазу изломанные линии. Нравилось имение – в темном обширном особняке, как говорили, обитали привидения, но Раду, сколько бы ни искал, не нашел ничего.

А в торговом квартале Раду вскоре знали все – он часто ходил по поручениям Корнелия, закупая необходимые продукты и предметы для исследований. Гончар Стан Сивый встречал Раду на пороге лавки – честь, которой удостоены были лишь немногие. И вовсе не потому, что в первый же день они сцепились едва ли не насмерть из-за небрежно выполненного заказа Корнелия. Раду расколотил о мастера все кривые сосуды, и остаться бы им врагами, если б в лавку о ту пору не заглянул капитан городской стражи.

– Бузите? – мрачно спросил он.

Он вообще был невеселого нрава человек, и не спешил разглядывать в окружающем доброе.

Раду, не отпуская шиворот гончара, посмотрел в морщинистое смуглое лицо капитана и честно ответил:

– Нет. Объясняю вот мастеру, как заказ исполнять нужно.

Гончар Стан промолчал – не признаваться же, что нарочно заперол все сосуды, чтоб заезжему колдуну неповадно было.

Капитан обвел мастерскую прищуренными глазами и кивнул.

– Стан, есть кого при делах оставить? – спросил он. – Помощь нужна.

Раду выпустил ворот Стана и отступил.

– Да, господин капитан, – хмуро кивнул гончар и позвал из глубины дома сына.

– Что случилось? – коротко спросил Раду, оправляя одежду.

Капитан некоторое время смотрел на него, размышляя, стоит ли чужаку говорить.

– Народ успокоить нужно, – наконец сказал он. – Преставился тут один разбойничек, дружки его хоронить несут... а народишко собрался уже, стоят толпой перед воротами кладбища да перед храмом Пресветлой матери. Не пропустят, и побоище будет.

– А разбойник – как зовут... Звали? – спросил Раду. – Гриба, Дива...

– Тиба, – ответил капитан.

– Я с вами, – сухо сказал Раду, снимая с пояса перчатки. – Лишние руки ж не помешают? А то ж стало так, и я стороной виноват в этом деле.

– А ты кто таков, господин?.. – капитан насупился, а Стан подошел ближе, прихватив из чулана крепкую дубину.

Гончар успел вперед Раду:

– Уж не ты ли тот заезжий парень, который Тибу перед гостиницей порезал? – спросил он.

– Я, – коротко ответил тот, и Стан смерил его взглядом от сапог до встрепанной макушки.

– Приходи послезавтрева, – сказал гончар, – забирать заказ.

Потом, помолчав, добавил, когда они уже шагали вслед за капитаном стражи:

– Бедовый ты парень, лезешь, куда ни глядя. Как бы не нарваться в дурной час. Осторожней надо быть.

Раду только пожал плечами.

...Но заварушки не случилось.

Восемь стрелков – что бы ни говорил хозяин гостиницы о «всего лишь полудюжине» солдат, ошибаясь как в количестве, так и в оценке, – довольно быстро приструнили и взбудораженных горожан и разбойников, вооруженных рогатинами и самострелами.

Разбойников вынудили оставить домовину с телом Тибы, а горожан расступиться, чтобы служки храма могли внести гроб и приготовить к погребению.

– Разбойник аль не разбойник, – негромко сказал капитан стражи, – а чтоб похоронен был как положено. Мне тут ни зараза, ни бродячие покойники не нужны.

Говорил он тихо, но люди на небольшой площади у собора молчали, слушая его.

И неудивительно: по левую руку от него замерли солдаты с прикладами ружей у плеч, в любой момент готовые вскинуть их и пальнуть. Полная тишина наступила как раз после того, как, поравнявшись со своими бойцами в переулке, капитан коротко рявкнул: «Стройсь! Заряжай!», а потом – «К плечу!». Гончар Стан и еще несколько вооруженных дубинами мужиков встали плотным рядом по правую руку капитана. Раду сноровисто и тихо вынул из поясной сумки складную балестру и зарядил ее. Гончар одобрительно хмыкнул, а остальные покосились – что еще за чужак.

Постояли-постояли, глядя, как расходятся недовольные, да и тоже разбрелись, отпущенные капитаном.

***

А больше всего в Тичанах и имении Раду нравилась оранжерея – там господин Тенда устроил свою лабораторию.

Застекленная сверху донизу веранда позади дома, обращенная к горам и сама по себе была привлекательным местом. Одичавшие гвоздичные деревья пряно пахли, померанцы, правда, засохли, а розы буйно заплели резные перегородки. За этими перегородками скрывался уютный уголок, вымощенный каменной плиткой, с парой кресел и столиком. Тию приходила сюда с шитьем, пока Раду помогал господину Тенде.

Вся глухая стена оранжереи, примыкавшая к дому, была занята длинным столом и стеллажами, весьма безыскусно и грубо сколоченными. На них теснились разнообразные колбы, реторты и перегонные аппараты. Их надежно укрывала тень гвоздичных деревьев и разросшихся за окнами оранжереи кустов.

Оранжерея тянулась вдоль всего дома, и прежде войти в нее можно было с двух концов, но теперь Корнелий приказал заложить дальний вход, и там, в образовавшейся темной комнате он проводил эксперименты, которым нельзя было попадать на солнечный свет.

Входить туда можно было только Корнелию – а после его продолжительных наставлений – и Раду. Через две тяжелых дубовых двери – сначала одну захлопнуть, потом можно открывать следующую – при свете специальной масляной лампы с окрашенным в красный цвет колпаком, можно было попасть в самое настоящее алхимическое царство. Правда, Корнелий сердился, когда Раду называл это алхимией, и еще больше – когда помощник «чуял магию».

Корнелий крайне отрицательно относился даже к упоминанию чародейств и заклинаний. В качестве наказания он заставлял Раду читать главы из толстой книги прошлого века – «Математические корни мироздания». Раду потом пересказывал прочитанное, Тию покачивала головой, прислушиваясь, а Корнелий сердился, не чувствуя в словах помощника ни должного пиетета, ни понимания.

– Это же цифирь, – с презрением говорил Раду. – Она неживая, и никак с миром не связана.

Сад за домом был в запустении. Корнелий не интересовался деревьями, и прежний слуга не занимался ими вовсе. Тию сначала выходила туда погулять, потом стала брать с собой найденные Раду садовые ножницы и одну из служанок помоложе, чтобы обрезать мертвые ветви.

– Сад был очень красивый, – с сожалением говорила она. – Но за то время, что осталось до отъезда, ничего существенного сделать не получится.

Они уже начинали собирать вещи, а Раду готовил к выезду старую карету прежних хозяев имения. Корнелий относился к этому скептически – слишком уж вычурно и неудобно выглядела эта карета.

За день до отъезда, когда в холле уже стояли ровными рядами баулы и ящики, ожидая погрузки, служанка принесла Корнелию визитку – у них был неожиданный гость. Корнелий сидел у себя в кабинете, добавлял в дневник утренние наблюдения.

Недоуменно повертел визитку в руках, вглядываясь в многочисленные каллиграфические росчерки.

– Князь Воскову-Гроза, – прочел он. – Ну... проводи его в угловую гостиную, что ли. Раду еще позови туда, сейчас спущусь...

Служанка торопливо кивнула, спрятала выскочивший из-под чепца черный локон и убежала.

Корнелий покачал головой. Князь, владетель этих земель, прежде разве что присылал вежливые приветствия, да раз-два раскланялся, встретив Корнелия в городе. Неожиданный визит, да еще накануне отъезда... Корнелий поморщился: верно, ничего хорошего ждать не стоит.

Ион Воскову-Гроза был толст, лыс и обманчиво простоват. Смуглая кожа, черные густые брови, лицо ремесленника. Корнелий, однако, знал, что из себя представляет этот человек и как его побаиваются в городе. Даже обычные люди, не нарушающие закон.

Князь прохаживался по гостиной, изучая развешанные по стенам гербарии – прежние хозяева весьма увлекались ботаникой и оставили после себя такое наследство. Посеревшие от времени листья, выцветшая вязь подписей – малоинтересное зрелище. Тию, однако, попросила не выбрасывать, и Корнелий, пожав плечами, не стал спорить.

– Хорошо, хорошо, – нетерпеливо отозвался князь на приветствие Корнелия. – Тут у вас любопытные вещи на стене... пригляделись бы. Во времена моего деда за такое и на костер можно было попасть.

Он передернул плечами, потом резко развернулся и сел в кресло. Корнелий, прищурившись, попытался разглядеть среди пыльных высушенных листьев какую-либо крамолу.

– Времени мало, деликатничать некогда, – начал было князь... и прервался, в комнату вошел Раду.

Мгновение, когда напрягшийся в кресле князь и застывший Раду мерились взглядами, показался Корнелию бесконечным.

– Это мой помощник, секретарь и ученик, – наконец произнес Корнелий. – Раду Матей.

Фамилию он сам придумал давно и просто сообщил ее Раду и Тию. Это, может быть, раньше они могли обходиться только своими вымышленными именами, но теперь нужно было соответствовать.

Князь откашлялся, а Раду коротко поклонился и отошел к окну.

– Так вот, – продолжил князь, – видел я, у вас вещи собраны? Никак едете дальше? Уж простите за прямоту и грубость, но не располагаю временем для церемоний.

– Да, – кратко отозвался Корнелий. – В ближайшие дни... Необходимо посетить столицу, у меня там...

– Ясно, – прервал его князь. – Боюсь, мне придется просить вас задержаться у нас.

Тон его был вовсе не просительный. Скорее, недовольный – от того ли, что князю приходилось не приказывать, а кое-как вежливо изъясняться?

– Супруга моя весьма обеспокоена. Вопрос скользкий, совсем чужих людей привлекать не хочется. А вы, господин Тенда, как говорят, сведущи в таких делах.

– Каких... «таких»? – осторожно спросил Корнелий.

– Упырь у нас объявился, – брезгливо пояснил князь. – Девушку одну сегодня утром нашли мертвой, из горничных. Так вот... опасение имеется. У нас гости как раз, да все свои, дальние родственники. Не могу я по-привычному разбираться-то с ними. Нужно... деликатнее. Да не ждать же кого чужого из столицы...

Князь потянулся, похрустел пальцами, задумчиво разглядывая их: пухлые, покрытые черными волосами.

– А я со своей стороны, поспособствую вашему путешествию. Я умею быть благодарным. Выхлопочу вам подорожную. Все легче ехать.

– Упырь? – полуутвердительно сказал Корнелий, пристально глядя на князя.

– Упырь. А то и вурдалак. Я в этом не разбираюсь.

Без всякой связи Корнелий вспомнил о тех экспериментах и наблюдениях, которые он сегодня заносил в дневник, о формуле, которую не без труда удалось только что расколоть... и вдруг вурдалак. Чем, интересно даже, он отличается от упыря?

– Боюсь, я не так уж хорошо осведомлен в фольклоре, – сухо сказал Корнелий. – Вряд ли чем помочь смогу. Если необходимо осмотреть тело мертвой девушки и дать заключение, то я в вашем распоряжении. Но должен предупредить, что мой подход основан только на научной методе.

– Да-да, – отмахнулся князь. – Научная метода – то, что нужно. Упырей по уму ловить надобно. Долго ли вам собираться, господин Тенда? Я бы с вами прямо и вернулся.

Раду с трудом скрыл усмешку.

Он уже немного знал Корнелия и понимал, что сейчас за внешне спокойным, но слишком уж застывшим лицом медика тлеет ярость. Что уж так раздражало господина Тенду в разговорах о магии да существах всяких, Раду пока еще не понял.

Однако это порой даже и забавным было.

Глава четвертая. Терновые кусты у реки

– Возьми вот, приколи, – сказала Тию, протягивая Раду пожухлый цветок позднего шиповника. – И вам, господин Тенда. Тут я осиновые ветки приготовила, они не так чтобы очень острые, но думаю, для одного удара сгодятся.

– Боже мой, Тию, вы серьезно? – поразился Корнелий, и Раду тоже покачал головой:

– Что ты, такими тонкими вурдалаку грудину не пробить, – сказал он.

– Раду! – воскликнул Корнелий. – Да какие к чертям вурдалаки! Вот не ожидал от вас суеверий.

Раду пожал плечами, но прутья все-таки взял, а Тию неодобрительно нахмурилась, глядя снизу вверх на Корнелия.

– Вы можете верить во что угодно, господин Тенда, – тихо сказала она. – Но если вы придете по вызову князя без защиты от вурдалаков, то какое от вас будет впечатление?

Корнелий только раздраженно фыркнул.

– Что за безграмотность и мракобесие... мир вокруг развивается, люди изобретают машины и открывают законы генетики, а эти двое предлагают мне взять с собой осиновые колья – на всякий случай!

– Законы чего? – заинтересовался Раду, но Корнелий отмахнулся:

– Пока еще рано, – непонятно сказал он. – Это я так, к слову.

***

Княгиня Воскову-Гроза была в крайнем раздражении.

И, пожалуй, ее раздражение было пострашнее мужниного. Для домашних-то уж давно – это в городе да в округе все боялись его сиятельства Воскову-Гроза, а тут, в имении – его жену.

Она говорила тихо, еще тише обычного, едва разжимая тонкие губы, с удовлетворением наблюдая, как бледнеют горничные, вслушиваясь в приказы.

А то вдруг и не приказы, а госпожа погоду на улице узнать изволит? Попадешь впросак – достанется вдвое больше.

И все потому, что негодной Бинкуце пришло в голову гулять по лесу днем и попасться на зуб упырю.

– Это что же люди подумают? – потрясенно сказала княгиня мужу, едва услышав новость. – Будто служанки в нашем доме настолько невоспитанны, что шатаются невесть где. А что у нас в доме творится? Какие слухи ходить будут...

Наличие упыря под боком графиню, казалось, волновало куда меньше.

Позор, какой позор, думала она. Почему это именно с нами случилось?

И притом гостей полон дом – благо еще, что свои, родственники. За некоторым исключением, конечно, но все же свои.

А князь не о том думал, его все дела другие волновали – как поймать да как упокоить или изничтожить... впрочем, что с мужчин взять. Ладно еще согласился повременить с вызовом столичного дознавателя. Вон под боком есть господин Тенда. Почти что свой, хоть и приезжий. А уж какие небылицы про его колдовские изыскания пересказывали горничные, наслушавшись в городе от тех, кто разговаривал с бывшим слугой господина Тенды... да если там только треть правды, и то...

Князь отбыл за соседом, а его жена прилегла на кушетке в своей гостиной, позвав дочерей, чтобы те находились под надзором.

Сама не заметила, как в тяжелых думах задремала.

Снилась дрянь всякая: будто в дом пробралась дворовая собака и все платья пожевала.

– А тебе кто больше нравится? Мне тот, что пониже ростом... ты видела?! Я вот только в окошко выглянула, а он сразу наверх посмотрел, будто знал, что я тут.

– Фу, глаза желтые... как у кота. И тощий. Вот второй, смотри, он как будто капитан из книжки про проклятые сундука.

– Ах!.. Желтые!.. да это же чудо как загадочно! Это еще лучше, чем капитан, это как тот таинственный незнакомец из «Проклятого особняка»!

Приглушенные, но все равно звонкие голоса двух младших дочерей разбудили княгиню.

Они весьма неприлично толкались у окна, а старшая, хоть и вытягивала шею, чтобы увидеть то, что было за стеклом, все же не вставала с места и даже пыталась приструнить сестер:

– Вот уж матушка проснется, обеим вам не поздоровится... Раскричались, как галки.

– Народу много, – недовольно сказал Раду, оглядывая просторную и, кажется, даже подстриженную лужайку перед домом. – Все к окнам прилипли.

Говорил он тихо, так чтобы только Корнелий слышал.

– Нам бы сначала место посмотреть, – вдруг сказал Раду. – Пока совсем все следы не загоптали.

– А ты в следах разбираешься? – заинтересовался Корнелий.

– Прошу прощения? – переспросил князь Воскову-Гроза, оборачиваясь к ним. – Вы что-то говорили, господин Тенда?

– О... да. Нам бы сначала сходить на то место, где вы нашли ее. Конечно, лучше всего было бы ее и вовсе не трогать, пока мы не приедем, но... что поделать. Ваши предрассудки в отношении мертвых тел мне знакомы.

Князь нахмурился.

– Вы, господин Тенда, можете придерживаться сколь угодно новомодных взглядов, но я попрошу при моих домочадцах не высказывать их. Моя супруга и дочери очень трепетно относятся к подобному. А тело убитой я приказал отнести в часовню, там достаточно холодно и сухо.

– Учту, – отозвался Корнелий. – А теперь, с вашего позволения, давайте осмотрим место происшествия.

Проглянуло солнце. Зажгло золотом осеннюю листву леса, расчертило длинные косые тени на пологом берегу реки.

– Вот тучки, господин, на полянке, – сказал слуга, провожавший их. – На мертвой синее платье было, а то б не заметили. Вон там, выше, тропинка, по которой ходит парень из деревни. Утром молоко и яйца приносит.

Старый слуга потер голову и замолчал. Не хотелось ему снова тут быть, но князь распорядился отвести и все показать. Разве поспоришь?

– Это когда было? – спросил Корнелий, оглядывая небольшую поляну, обрамленную терновыми кустами.

На голых ветках виднелись сизые ягоды. Жухлая трава прильнула к земле.

Интереснее было смотреть на Раду: принюхиваясь, он обходил поляну, порой отбрасывая сапогом ворох листьев. Оглядывал деревья, росшие вокруг, косился на реку.

Корнелий, к своему сожалению, смог сделать только два наблюдения: если ей и выпустили всю кровь, то не здесь. И следов того, что ее тащили сюда, тоже не было.

Остальное – только когда осмотрит ее труп. К некоторой досаде, Корнелий ощущал азарт – скорее бы. Разгадает ли ее тайну? Это не его специальность, но тем более любопытно. Неуместное любопытство... Корнелий и не думал, что оно появится.

Досада от того, что помешали его планам, отошла в сторону. В самом деле, если ничего не поделаеть, почему бы не доказать в очередной раз Раду, что его (ее!) домыслы о существовании нежити и магии беспочвенны.

Раду тем временем остановился почти посредине поляны, ближе к терновым кустам. Снял перчатку и провел рукой по колючим ветвям.

– Тут она лежала? – спросил он.

Слуга, следивший за ним с подозрением, тайком сделал охранный жест рукой и кивнул.

– А там, господин, вот именно где вы стоите.

– Как лежала? Вверх лицом?

– Ну как лежала? Да не упомню. Разве что да, лицом вверх, ну как будто просто прилегла.

Ничего эдакого, господин. А вы откуда узнали, что там?

– Мертвым пахнет, – кратко ответил Раду и присел, рассматривая место.

– Так когда нашли? – напомнил свой вопрос Корнелий.

Не отрывая застывшего взгляда от Раду, слуга ответил:

– Ну так... утром. После рассвета точно – парень-то, молочник, шел после дойки утренней сразу. Ее сиятельство любят очень свежее молоко. Рано встают, и вот если нет молока вовремя, то потом весь день насмарку. Никому покоя не дадут... то есть, что я хотел сказать, обязательно сразу молоко, поэтому молочник-то шел как обычно...

– А обычно – во сколько, милейший? – уже сердито спросил Корнелий, утомленный обилием подробностей.

– Так... вот заходит в дом он аккурат, как часы семь бить начинают. И в этот раз раньше зашел... бежал потому что. Трусливый больно, испугался мертвой. В лесу-то поди просто так люди не помирают, тем паче что господские служанки.

– Гулящая была? – спросил Раду. – До того как нашли здесь, не хватились?

– А почему же, хватились. И что это вы говорите – гулящая? У нас таких не держат, все порядочные девицы. Ежели какая будет себя вести дурно, сразу выставят. А тут более нигде такое хорошее место не найдешь. Их сиятельства строгие, но только по делу, и уж мы все их желания знаем, нетрудно угодить. И платят исправно, и...

– Когда хватились? – прервал его Раду.

Он выпрямился, снова оглядывая поляну и натягивая перчатки.

– Так утром. Она с другой горничной, Вьорикой Стан, спит в одной комнате. И утром Вьорика пришла на кухню и сказала, что проснулась, а Бинкуцы нет. Кровать неубрана, но как вставала Бинкуца и уходила, Вьорика не слышала...

Слуга вздохнул, потом тише сказал:

– Стало быть, упырь-то... выманил ее прямо из дома? А у нас ведь летом этим господин священник службу служил, дом от злых духов и пакости всякой закрывал.

– Тут пахнет только одним мертвым, – равнодушно ответил Раду, и Корнелий вздохнул. – И нет запаха крови, убили ее не тут. Следов, как тащили по земле, нет.

– Да, это и я заметил, – сказал Корнелий. – Принесли на руках? Взвалив на плечо?

– Не баба, значит, – кивнул Раду. – Кто-то сильнее. Следов от колес нет, и от копыт тоже.

– Не понял я ничего, господа, – со страхом сказал слуга, – так вы чего думаете? Не упырь, так воволок, что ли? А чего сюда тащил?

– Да вот тоже интересно, – ответил Корнелий. – Чтоб не нашли сразу? Зачем же сюда, где ее тут же заметил проходящий каждый день молочник?

– А может, не знал, что тут молочник ходит, – сказал Раду.

– Ты все осмотрел тут? – спросил Корнелий. – Теперь вернемся, поглядим на саму девушку.

– А чего на нее глядеть-то? – еще больше испугался слуга. – Живее-то не станет, или вы, господин, с мертвыми говорить умеете?

Корнелий успел поймать напряженный, предостерегающий жест Раду и поэтому проглотил шутку о том, что умеет.

– Рану осмотрю, – буркнул он. – Следы какие, от зубов там или еще чего.

– А, вон оно что, господин, вон оно что, – закивал слуга. – Так да, по следам-то понятнее будет, кто ж такое сотворил... я покажу, где у нас часовня. Оно ж не по-хорошему все, ни родичам ее не сказали, ни тело не обмыли, священника позвали, и только.

«И хорошо, – подумал Корнелий, – иначе бы и осматривать было бесполезно. Князь хоть и внушение мне делал, а все сам понимает».

– Раду, – позвал он. – Ты со мной пойдешь? Если не выносишь вида мертвых, то лучше поговори с остальными слугами, поузнавай подробности.

– Я уже спрашивал, где ближайшее кладбище, – отозвался Раду. – Там бы поглядеть, не повреждены ли могилы. По свежим следам упыря легче искать.

– Глупости! – резко бросил Корнелий. – Кажется мне, мертвых ты не боишься, зря я сомневался. Пойдешь со мной.

***

Маленькая каменная часовня стояла на особицу от имения, на небольшом взгорье. От имения ее отделяла аллея вязов, а от подступающего леса – высокая кованая ограда.

Корнелий пытался угадать по внешнему виду часовни, каким богам в ней молились, но не преуспел. Толстые каменные стены, узкие высокие окна и железное кованое кружево отделки – ей было не меньше пары сотен лет, за которые многожды менялись и хозяева имения, и боги, которых они чтили.

Внутри, как и говорил слуга, было прохладно и сухо. Беленые стены, строгий алтарь и массивный знак над ним – серебряное солнце-колесо Матери-Заступницы.

И посредине небольшого помещения, на укрытом пологом столе лежало тело. Слуга торопливо поклонился и удалился.

Корнелий остановил его у дверей, дал распоряжение не мешать и сказать, чтобы никто не околачивался вокруг.

Раду тем временем подошел к столу, откинул с головы мертвой тонкую пелену и склонился над телом, осторожно убирая черную прядь со лба девушки.

Корнелий прищурился, поворачиваясь к нему. Непривычно печальным и серьезным стало вечно недовольное лицо Раду. Вот сейчас ни за что бы не принять ее за мужчину.

Лучи угасающего солнца золотились в темных волосах Раду, мягко освещали ее тонкий профиль, склонившийся прямо над другим – таким же бледным, но безжизненным, словно фарфоровым лицом несчастной Бинкуцы.

– Спи крепко, дитя, – сказала Раду. – Хозяйка мертвых проведет тебя темными тропами в свой край. Пусть твой путь будет легким.

Раду слегка подула в лицо мертвой девушки и сказала в сторону подошедшего Корнелия:

– Она не встанет снова, да и не встала бы. Тут не пахнет нежитью.

– Отлично, – хотел было саркастически отозваться Корнелий, но вышло устало. – Дай-ка я ее осмотрю. Я с самого начала так и думал, что тут дело рук человека. Встань справа от меня и записывай, буду диктовать. И не забывай прислушиваться, не хочу, чтобы нас тут застал кто-нибудь.

– А что вы собираетесь делать? – заинтересовалась Раду. – Что-то противоестественное и запрещенное?

– Оставь свои предрассудки, дитя, – сказал Корнелий. – Я не собираюсь вредить телу или поднимать мертвый дух. А теперь помолчи.

Бинкуца была крепкой невысокой девушкой, едва ли семнадцати лет. Не писаная красавица, но, должно быть, внимание привлекала. Густые черные кудри коротковаты, но несомненно некогда были гордостью хозяйки.

– Довольно тонкие черты, руки, не испорченные тяжелым трудом. Ровные ногти и чистая кожа. А вот и рана... на шее. Слева, недалеко от яремной вены. Это два прокола, а никак не укуса. Взгляни ближе.

– Слишком близко друг к другу, чтобы быть следами клыков, – кивнул Раду. – края не такие, как должно быть, и не видно, что кровь высасывали.

– Опять ты за свое! Явно же кололи чем-то острым, но не обычным ножом, не вышло бы круглого отверстия.

– Толстым шилом? – предположил Раду. – Или вот я как-то видел, у южан, трехгранные тонкие кинжалы.

– Возможно, – рассеянно сказал Корнелий. – Не суть. Мне что-то не нравится. Что-то здесь неверно. Руки и ногти чисты, она не сопротивлялась. Нет других повреждений, только рана на шее и тонкий след крови из нее. Мы не можем ее вскрыть, чтобы посмотреть состояние внутренних органов, но...

Он выпрямился, задумавшись. Потом склонился над телом, в этот раз осматривая голову.

– Зубы ровные, крепкие. Девушка хорошо жила. А вот язык прикушен... и запах. Ты чувствуешь, Раду?

– Она пахнет мертвой.

– Значит, не чувствуешь. Или вовсе не знаешь его. Слизистые во рту – красные. Помоги, мы немного перевернем ее и посмотрим спину... Ты не боишься, Раду? Тебе не дурно?

– Нет, мастер, – с небольшой заминкой отозвался Раду. – Мне жаль ее. Но плохого я не думаю, это всего лишь тело. Не весь человек, не целиком уже.

Корнелий кивнул, глядя на своего помощника.

– Что ж... тогда слушай. Никто не пил ее кровь, но по характеру и цвету этих пятен – видишь? – я могу сказать, что ее отравили. А запах, что я упомянул – это горький миндаль. Думаю, ты с ним не знаком. Тоже признак отравления. Тут все гораздо страннее, чем казалось на первый взгляд.

– Получается, кто-то специально сделал проколы, будто укусы? – спросил Раду, помогая Корнелию уложить тело. – Чтобы скрыть причину?

– А кто бы здесь о ней догадался? – сказал Корнелий. – Нас бы не стали звать, если бы не думали об упырях. Пойдем, Раду.

– Это все? – с некоторым разочарованием спросил Раду. – Мы не сможем узнать, кто в этом виновен. Всего-то подозрения. Будь это упырь...

– Раду!

– ...было бы легче, – упрямо закончил Раду. – А так они похоронят ее и забудут. И виновник останется, как всегда, безнаказанным.

Раду с таким выражением произнес последнее слово, что Корнелий невольно обернулся. Сложно было что-то разобрать на его лице, но Корнелий подумал, что, верно, что-то личное, глубоко спрятанное, задело в Раду этой историей.

– А каким богам молишься ты? – спросил он.

Это не уводило тему в сторону, лишь продолжало мысль Корнелия, который вдруг заподозрил, что его помощник придерживается неких совсем уж древних и темных языческих верований.

– Я не молюсь никому, – сумрачно отозвался Раду. – Тию иногда молится, и за меня, но она по привычке. Нас приучали слушаться Трех Хранителей.

– Религиозная система в вашей стране весьма запутана и интересна, – пробормотал Корнелий. – Расскажешь потом подробнее. Сейчас мы будем знакомиться с родственниками князя...

Они уже прошли аллею, и оставалось только завернуть за угол здания, чтобы подойти ко входу.

– А почему ты сразу решила, что ее убили? – спросил Корнелий, которому все не давала покоя горячность Раду в вопросах наказания виновных. – То, что смерть пытались прикрыть другой причиной, еще не значит, что имело место убийство. Вдруг это нелепая случайность, стечение обстоятельств? Кто-то испугался, что его обвинят и выдумал упыря и всю эту историю.

Раду открыл было рот, чтобы ответить, потом нахмурился.

– Я же просил, мастер Тенда. Вы опять обращаетесь ко мне, как к женщине.

– Нас не слышит никто, – отмахнулся Корнелий. – Велика ли беда? Я и прежде предлагал тебе вернуться к прежнему... образу. У меня нет предубеждений против женщин, выполняющих свою работу достойно, как это делаешь ты. Для общества я могу представлять вас своими родственницами.

Корнелий даже остановился, преграждая Раду дорогу. Раду сразу же напрягся, сузив глаза – Корнелий подошел слишком близко.

– Я не знаю подробностей, – понизив голос, сказал Корнелий. – Но ваш дядюшка намекнул, что вы скрываетесь от неких врагов. Не кажется ли тебе, Раду, что за два года переездов ваш след давно уже потерян? Что нет опасности, а даже если вас случайно... хотя ну какая тут возможна вероятность... найдут, то ничего дурного не случится. Война закончилась, мы в цивилизованном обществе...

– Мастер! – прервала его Раду. – Не надо. Вся эта ваша «цивилизованность» не более чем обманка. Это не защита. Вспомните, по какой причине нас вызвали сюда. И позвольте мне самой... самому решать, как мне следует оберегать сестру и себя. Не сбивайте с толку этими речами.

Она скользнула мимо и зашагала дальше, твердо печатая каблуками по дорожке. Корнелий уже в спину сказал ей:

– Ты ведь запутаешься, кто ты. Сама забываешь, что это всего лишь маскарад.

Раду на миг замедлил шаг и бросил через плечо:

– Я всегда знаю, кто я. Меня зовут Раду. Другого имени у меня нет.

***

– Идут, идут! Маменька, идут! Ой, такие серьезные! Ой, а вдруг и правда упырь? А я думала, разбойники! Разбойники, как в...

– Присядь! – одернула княгиня младшую дочь. – Еще не хватало, чтобы они увидели, как ты в окно на них смотришь. Ион, дорогой, тебе удалось что-то узнать у отца? Мне не хотелось бы попасть впросак с гостями.

– А, да что там, матушка. Не величайте их особо, да и все, – отмахнулся ее сын, развалившись в кресле.

Он ненадолго оторвался от беседы с кузеном и насмешливо прищурился. Несмотря на все усилия матери, он так и не проникся важностью происходящего. Однако же по просьбе княгини успел сходить к отцу и побеседовать, чтобы удовлетворить ее любопытство.

– Оба они, и доктор Тенда, и помощник его, как говорят в городе, крайне таинственны, держат инкогнито. Титулов нет, доктора в городе почти не знают, он не выезжает, визиты не принимает. Вот его помощник... его в городе видят, но и он не общается ни с кем, весьма

мрачный тип. Некоторые считают, что он из столицы, заядлый бретер, который убил на дуэли некое важное лицо, и...

– Ион, дорогой! – воскликнула шокированная княгиня. – Слухи слухами, но что ты говоришь при сестрах? Бедные девочки такое не должны слушать!

Иону стоило только покоситься на сестер, чтобы увидеть разгоревшиеся от любопытства лица младших. Он фыркнул, но спорить с матушкой не стал, вернулся к разговору с кузеном.

Княгиня же взволнованно поднялась, прошла мимо окна, якобы невзначай взглянув вниз. Никого не увидела и вызвала горничную, чтобы узнать, когда князь поднимется вместе с доктором к ним в гостиную.

Подосадовала, что сестра так некстати слегла с головной болью. Посоветоваться бы не помешало. Пригласить доктора и помощника к обеду? Только доктора? Или же это будет чересчур... чересчур?

Ее супруга же занимали совершенно другие мысли.

Он мерил шагами свой кабинет, слушая рассказ господина Тенды.

– Яд? – снова переспросил князь Воскову-Гроза.

И с досадой воскликнул:

– Как некстати! А может, все-таки нежить какая, а?

– Да боже мой, – с наименьшей досадой отозвался Корнелий, – ни в коем случае. Следы на шее оставлены каким-то инструментом, не зубами. На теле – явственные следы отравления.

Князь остановился к ним спиной, глядя в окно, забранное частой деревянной решеткой.

Господин Тенда сидел на кресле перед письменным столом князя, а Раду стоял за его спиной, с интересом разглядывая развешанное на стене оружие.

– Я попрошу вас не разглашать никакие подробности моей супруге и семье, – отрывисто сказал князь. – Я знаю, что вы не любитель светского общения, но супруга не простит мне, если я вас не представлю и отпущу сейчас же домой. Боюсь, вам и на обед остаться придется.

Корнелий быстро взглянул на Раду.

Судя по словам князя, тот вовсе не собирался углубляться в поиски виновника. Не упырь – и ладно.

Раду оказался прав.

«Оказалась права, – мысленно поправил себя Корнелий. – Что ж, это их дело, не наше. Надеюсь, хоть к вечеру мы домой вернемся».

Раду в это время откашлялся. Хриплый негромкий голос разорвал тишину, которая наступила после слов князя.

– При всем уважении, – сказал он, – но вам не кажется, что не стоит оставлять историю с погибшей девицей неисследованной до конца? Этот злоумышленник может скрываться в окрестностях, и угрожать безопасности остальных...

– Каких окрестностях? – удивился Корнелий, сразу не поняв, что Раду так намеренно сказал, вызывая его на разговор. – Злоумышленник, как ты говоришь, явно находился близко к этой девушке. Как бы иначе он смог дать ей яд?

Князь медленно развернулся, и мало в его взгляде было признательности за недобрые новости и дурные предположения, которые исходили от гостей.

– Я должен... обдумать это, – произнес он.

Князь сцепил пальцы и тяжело сел за стол.

– Сейчас у нас в гостях сестра моей супруги, со своим сыном и его другом. Мои три дочери и сын. Компаньонка свояченицы. Слуги...

Корнелий молчал, ожидая, когда князь договорит. К чему он клонит, перечисляя домочадцев, было не очень понятно: то ли размышляет, сколько людей под угрозой, то ли думает, кто из них мог иметь зло на уме.

– Я не могу позволить себе огласки, – сказал князь. – Нелепая история, удар по репутации... супруга не переживет. Она надеется выехать следующей весной в столицу и начать выводить дочерей в свет. И тут это убийство. Кто отравил? Зачем? В приличных домах, скажут они, не травят. Ох, эти чертовы пересуды. Мне они не мешают, стряхнуть, как пыль с пальцев, но...

Корнелию было скучно. Загадку девушки – ту, что неожиданно взволновала его прежде, – он разгадал. Далее он думал отбыть повинность общением с дамами и наконец отправиться домой.

Надеялся, что так и будет.

Но Раду встал сзади Корнелия, опираясь на спинку стула руками и тихо произнес, прерывая поток размышлений князя Воскову-Гроза:

– А что вы скажете, ваше сиятельство, если мы с господином Тендой... разберемся с этим? В частном порядке, тихо и никого не задевая?

Корнелий закатил глаза. Хриплый голос помощника звучал куда как жутко.

– Раду! – одернул было он, потом посмотрел на снова застывшее лицо князя.

Видно, задумался.

– Какое вам до того дело? – наконец спросил он. – Желаете получить награду?

Раду подумав, кивнул, но Корнелий знал, что тот лжет.

Непривычная, жгучая волна гнева захлестнула Корнелия.

– Прошу прощения, князь, – отрывисто бросил он, вставая и едва не отшвыривая легкое кресло. – С вашего позволения... мы ненадолго вас покинем.

Сквозь зубы процедил: «За мной».

Едва Раду прикрыл дверь за собой, Корнелий огляделся, ухватил его за воротник старомодного камзола и оттащил от кабинета в сторону.

– Ты что себе позволяешь? – очень тихо, едва владея голосом, спросил он и брезгливо отпустил воротник.

Навис над своевольным помощником, который в ответ тут же подобрался, едва не оскандившись, как дикий зверь.

– Не ты ли пришел ко мне, потому что вам с сестрой надо добраться до столицы? Ты забыл, что я нанял тебя только для того, чтобы ты делал, что я говорю? Куда ты меня тянешь? Мне нет резона заниматься их делами, пусть хоть перетравят друг друга! У нас с тобой уговор, ты забыл?

Глаза Раду, которые в полумраке казались совсем темными, расширились. «Забыла об этом, что ли, – подумал Корнелий, ощущая, как гнев успокаивается. – Поборница справедливости, черт побери». Он шагнул бы назад – слишком уж мало было расстояние между ними, и теперь это раздражало. Но отойти сейчас значило бы упустить Раду.

Та отвела глаза ненадолго, потом снова взглянула на Корнелия сверху вниз, нетерпеливым движением отбросив пряди волос, вечно закрывавших ее лицо.

– Я забылся, – потом мгновение молчания. – Но это все равно несправедливо... Князь готов сразу выбросить ее из головы, закопать в землю и оставить ее смерть без объяснения, а жизнь без памяти. Она ведь человек, такой же, как вы... и разве не имеет права быть не забытой на тропах мертвых?

– Что ты опять говоришь, Раду? – с досадой спросил Корнелий. – Какие тропы мертвых? Ничем мы тут не поможем. Ты не представляешь, что это такое – расследование убийства, да и я этим никогда не занимался. Мы завязнем тут в бессмысленном деле, а потом начнется осенняя распутица, и мы вовсе никуда не уедем.

И вот тут впервые Корнелий увидел на лице Раду нечто, что могло быть отдаленно похожим на умоляющее выражение.

Ну, не будь черные брови угрожающе сдвинуты, а губы сжаты.

Видимо, Корнелию почудилось.

– Раду, – уже мягче повторил он, – мы ничем ей не поможем. Я сейчас скажу князю, что предложение твое было... необдуманным, и мы себе не можем позволить здесь задерживаться более того, что уже есть. С твоей стороны попрошу более не прерывать разговор и молчать.

Раду все так же смотрел на него, не отводя взгляда.

– А если... если мы сумеем уложиться в неделю? Это не столь большая задержка. Мастер Тенда...

Корнелий отвернулся и шагнул назад.

Раду вообще раньше никогда не просил. Пусть они и знакомы были всего ничего, но Корнелий знал, что это не в его характере.

Любопытная мысль толкнулась в голове.

– Два условия, – медленно сказал Корнелий, – и это если князь решит согласиться, учти! Уговаривать его не буду, и тебе запрещаю. Так вот. Первое – расскажешь мне одну из своих тайн. И кое-чем поможешь в моем новом эксперименте. Я давно хотел это испытать, но времени не было.

Он отошел дальше, уже не обращая внимания на помощника, и Раду слышал только задумчивое «надо будет раздобыть кое-что... придется возиться с зарисовкой... и рассчитать по часам».

Корнелий с головой нырнул в размышления, и едва не забыл, что нужно вернуться к князю и выслушать его решение. Раду пришлось встряхнуть его за плечо – сначала осторожно, потом резче, чтобы Корнелий отвлекся от своего эксперимента, который он уже начал в уме проводить, и вернулся на землю.

Они вернулись в кабинет, где хмурый князь ожидал их, чтобы сообщить о своем решении. Уговоры и не требовались, он был согласен.

– Да-да, разумеется, – недовольно кивнул Корнелий, когда князь Воскову-Гроза сообщил, что берет на себя обязательство соразмерно вознаградить его, если дело будет решено по возможности быстро и без огласки.

Глава пятая. Два пера

Корнелий Тенда хоть и не был большим любителем светских бесед, но поддерживать их умел вполне сносно.

Князь Воскову-Гроза, представляя гостей домочадцам, хмурился поначалу, зорко наблюдая за тем, как и что говорят господин Тенда и его помощник, но потом, поняв, что ни о каких мертвых телах и прочих неудобных подробностях они не упоминают, успокоился.

Княгиня тоже успокоилась, немного изучив гостей. Как опытный натуралист, проводивший немало времени на званых обедах и балах в столице, она повидала самых разнообразных людей. Господин Тенда и Раду были классифицированы и записаны в память княгини как старомодные, воспитанные и безопасные. Оба вели себя прилично собравшемуся обществу, не флиртовали с барышнями. Ни дурных шуток, ни двусмысленностей, одно удовольствие слушать.

Племяннику и его другу, которые сейчас тоже гостили у княгини, поучиться бы.

С точки зрения Раду, все было далеко не так прекрасно, как представлялось княгине. Вынужденная трата времени на пустые беседы, младшие барышни Воскову-Гроза, которые пытались увлечь его в разговор о недавно прочитанных книгах, строгое внушение Корнелия не грубить и отвечать на вопросы... Раду оставалось только вздыхать сквозь зубы про себя. И тоже наблюдать.

Княгиня, невысокая пухлая женщина с изящными маленькими руками, на вид казалась такой же мягкой, как складки ее домашнего – весьма дорогого! – платья. Острый пронизательный взгляд и добрая улыбка на круглом лице – некогда она была весьма хорошенькой большеглазой барышней. Дочери ее, видимо, удались чертами в отца, все три – высокие и стройные, но красивой можно было назвать разве что старшую. Обе младшие, глазастые девицы с большими ртами и длинными носами, однако, отторжения не вызывали, их живые и искренние манеры скрадывали природную несоразмерность черт.

Их брат и еще двое молодых людей поздоровались с Раду свысока и в общей беседе не участвовали.

– А как жаль, что вы не из столицы едете! – наперебой вздыхали младшие девушки – Леоле и Милика, – ведь тогда наверняка у вас с собой были бы новые книги...

– Все говорят, что в столице только и читают романы госпожи Киапано! – воскликнула Милика. – Мне так нравится! Они страшные, и от ужаса у меня волосы на голове шевелятся, я боюсь ночью лампу гасить!

– Нет, в первую очередь читают книги Эзу Ребенето! – возразила Леоле. – Приключения и тайны куда как интереснее страшилок про призраков и чудовищ! Скажите же, господин Матей, скажите ей!

Раду неловко пожал плечами:

– Не знаком ни с тем, ни с другим.

– Как?! – поразилась девушка. – А что вы читаете? Ведь не может быть, что вы ничего не читаете.

– «Математические корни мироздания», – сказал Раду, первый раз подумав, какой удачный выбор сделал господин Тенда с этой книгой.

Лица девиц вытянулись, они пораженно переглянулись и даже ненадолго замолчали.

– Очень интересная книга, – неожиданно сказала старшая сестра, Аглаэ, до того тихо сидевшая подле окна. – Я читала ее прошлой зимой. Увлекательно, очень увлекательно. А что вы думаете насчет того, что в пятой части рассказывается? Я, признаться, долго над ней размышляла.

– Еще не дочитал до нее, – признался Раду.

И на всякий случай перевел тему, сожалея, что никоим образом сейчас нельзя порасспрашивать книжных девиц о погибшей служанке. Ведь казалось бы – тоже разговор, но нельзя. И не принято о подобном, и князь запретил.

– Позвольте узнать подробнее, – пытаясь смягчить хриплый голос, сказал Раду, – вы упомянули книги госпожи Киапано. Неужели это женщина? Никогда не слышал, чтобы их издавали.

Все три сестры возмущенно вскинулись.

– Так все говорят, – сухо сказала старшая. – Мужчинам сложно понять, что и мы способны на нечто большее, чем вышивка или...

– Аглаэ, дорогая, – вмешалась ее мать, – не думаю, что господину Матею очень уж интересно, что там пишет эта странная дама. Вот я, к примеру, не понимаю, как можно такое читать. Я даже писала своей знакомой в столицу, спрашивала, есть ли разрешение от духовных лиц на подобное чтение. Правда, мне показалось скучно, я не окончила и первой главы, но девочки говорят, что там страшно.

– О, матушка! – с досадой воскликнула Милика. – Ну что вы, в самом деле! Господин Матей, если вы хотите, мы можем дать вам почитать. Хотите? Вы сразу же измените свое мнение! У нее такие чудесные книги. У меня, даже если в третий раз читаю, все равно сердце замирает.

– Буду благодарен, – слегка поклонился Раду. – А еще больше будет рада моя сестра, потому что она так же, как я, не знакома с книгами этой госпожи.

***

– Это невозможно читать, – сухо сказала Тию. – Они все тут постоянно падают в обмороки, хватаются за сердце и ломают в отчаянии руки.

– Кому ломают? – рассеянно спросил Раду, помечая что-то в записной книжке.

– Себе ломают. Раду, это выражение такое. Вот эдаким образом руки надо поднимать, и вот так выворачивать.

Раду оторвался от записей и внимательно посмотрел на жесты сестры.

– Но тем не менее, – сказал он, – в столице, говорят, все только и читают госпожу Киапано. И еще кого-то второго, я не запомнил. Я думал, ты обрадуешься тому, что женщина тоже может быть писателем.

– Я и так это знала, – фыркнула Тию.

Она собиралась сказать еще что-то, но ее прервал Корнелий.

– Доброе утро, Тию, – выпалил он, влетая в маленькую гостиную. – Раду! Бери с собой карандаш и бумагу... и фартук накинь.

Сам Корнелий был уже в рабочем: старая рубаха с подвернутыми рукавами и кожаный передник с подпалинами.

– Господин Тенда, завтрак скоро, – кротко сказала Тию.

– Как раз успеем, – бросил он.

Раду только пожал плечами и спешно встал, собирая нужные вещи.

Догнал Корнелия в коридоре и пошел рядом.

– Не спали всю ночь? – спросил Раду, искоса поглядывая на хмурое лицо Корнелия и набрякшие мешки под глазами.

– Это неважно, – отмахнулся тот. – Я готовил материалы. Я по-прежнему думаю, что ты подписалась на глупую авантюру, но раз такое дело, мы используем время с выгодой. В моем плане есть одно дело, которое требует как раз таки времени.

До завтрака они не успели, устанавливали по вычерченной Корнелием схеме перегонный аппарат, и не было возможности бросить работу на полпути. Одновременно с этим Корнелий

уже привычно рассказывал Раду о назначении различных частей устройства и отвечал на ее вопросы.

– Тебе придется еще одну книгу прочесть, – с сожалением подытожил Корнелий. – Она бестолковая немного, не того уровня, что мне необходимо, но ты, к сожалению, ничего сложнее сейчас не поймешь. Напомни чуть позже, я тебе достану ее. Держи вот здесь, я сейчас укреплю. Нет, не так, подвинься немного, я не достаю. Руку повыше.

Корнелий думал о том, что несмотря ни на что, вдвоем получается все же быстрее. К тому же любопытство и цепкий ум Раду не могли не радовать, и Корнелию было только в удовольствии делиться знаниями.

– Когда ты наконец подберешь свои волосы, – ворчал он, и сам заправлял падающие на лицо помощника черные пряди за ухо, когда Раду не могла.

Раду только хмурилась, и это забавляло Корнелия. Обычная девушка краснела бы, хоть сколько-то смущалась от этого, но не Раду.

После запоздалого завтрака под укоризненными взглядами Тию, Корнелий обнаружил неприятную вещь: горничная, проветривая кабинет, оставила окно открытым, и те бумаги, что не были придавлены пресс-папье, теперь украшали кусты под окнами.

Пока Раду, чертыхаясь, собирал их, Корнелий решил поискать упомянутую им книгу и поднялся в библиотеку, потревожив там Тию.

– Прошу прощения, – улыбнулся Корнелий, заметив в руках девушки коричневый томик пресловутого романа госпожи Киапано.

– Что вы, это я прошу прощения, думала, что вы с Раду в оранжерее. Господин Тенда, я совсем забыла, вам письмо принесли, – тихо сказала Тию. – Пока вы не ушли, возьмите. Принес мальчишка из города.

Корнелий решил было, что пишет кто-то из семьи князя, но один только взгляд на небрежно свернутый лист бумаги, заляпанный сбоку лиловым и подписанный угловатым почерком, развеял эти мысли.

– Ну нет, – пробормотал он, разворачивая письмо, – вот его тут только не хватало.

Тию сначала подождала, думая, что Корнелий сам скажет, но тот лишь кривился, читая письмо. Пришлось выказать не подобающее девице любопытство:

– Кого, господин Тенда?

– О, это... – Корнелий запнулся, пытаясь подобрать слово, – мой старый... знакомый? Товарищ? Некогда он был одним из первых, кого я встретил, попав сюда. Он весьма...

В этот раз Корнелий запнулся, прислушиваясь. Окна библиотеки выходили на двор перед домом, и несмотря на закрытые рамы, оттуда слышался некий шум. Тию тоже прислушалась, потом бросилась было к окну, но в это время в библиотеку вбежала горничная. Карие глаза девушки были полны тревоги.

– Господин Тенда! Там... господин Раду и... ох, там я не знаю, что!... и господин Раду!

– Ох уж этот «господин Раду», – проворчал Корнелий, отбрасывая письмо. – Вечно он «не знаю что».

Он отстранил служанку и спешно вышел. Тию, поколебавшись, поторопилась за ним.

Шум нарастал, и, судя по всему, у входных дверей шло нешуточное сражение.

– Кажется, вам придется познакомиться с этим человеком прямо сейчас, – сквозь зубы выдохнул Корнелий, обращаясь к Тию.

– Если он еще жив, – легко отозвалась та.

И не зря – теперь уже ясно было слышно шипение Раду, обозленного сверх меры.

– Подойди ближе, – цедил он, – я тебе покажу, кто я!

– Намотаю твои кишки на то дерево! – вопил его «собеседник». – Ах ты, песья сыть!

– Ой, мать-заступница, что ж это такое, – со страхом выдохнула позади Тию горничная. – И ножики достали, страсти какие!

Двое кружили по двору, топчя сапогами снова рассыпавшиеся бумаги. Пригнулись к земле, в руках обоих тускло блестящие лезвия кинжалов.

Противник Раду был крупнее, шире в плечах. Короткие светлые кудри развевались по ветру, а серые глаза горели тем же кровавым огнем, что и Раду. Слово два больших кота, разве что хвостами по бокам не хлестали.

Тию коротко вдохнула, подаваясь вперед. Ощувив ее пальцы на рукаве, Корнелий удивленно обернулся: девушка была бледнее обычного. Она не переживала так, когда Раду дрался у гостиницы сразу с троими.

– Мастер, Тию! – прошипел Раду. – Идите внутрь!

– Корнелий! – одновременно с ним крикнул его противник. – Я поймаю его сам, не подходи! Этот ублюдок пытался пролезть к тебе в дом!

– Я даже не знаю, кто из них БОЛЬШОЙ болван, – с отвращением произнес Корнелий. – Раду! Прекрати немедленно! Это гость, в нем нельзя делать дырки! Что на тебя нашло? Почему ты бросаешься на людей? Лучан! Ты тоже замри!

Пальцы Тию на рукаве Корнелия сжались, на миг – пока противники мерились взглядами, – потом исчезли, едва Раду выпрямился, убирая кинжал в ножны.

– Этот господин начал первый, – хмуро и более хрипло, чем обычно, сказал он, идя к Корнелию и краем глаза следя за противником. – У меня и в мыслях не было причинять вред кому бы то ни было.

– Черта с два! – возмутился гость. – Ты лазил вокруг дома с таким подозрительным видом, что я не мог не остановить тебя.

– Бить человека по голове – не самый лучший способ остановить его, – процедил Раду. – Я просто собирал бумаги под окном.

– Он ударил тебя? – тонким голосом воскликнула Тию.

На звук ее голоса гость обернулся. Он был молод, едва ли двадцати с лишним лет, широкое угловатое лицо не было лишено приятности, а уж когда он увидел Тию, покаянная улыбка могла бы ослепить... более легкомысленную девушку, чем сестра Раду.

– О, я прошу прощения! – воскликнул гость, потянулся было к голове, но шляпы на ней давно уже не было – цилиндр валялся в пыли недалеко от них. – Милая юная госпожа здесь, а я сквернословлю! Корнелий, почему ты стоишь? Представь меня немедленно!

Раду змеей оказался за его спиной.

– Придержи язык, – выдохнул он, и гость подпрыгнул от неожиданности, снова хватаясь за оружие, – это моя сестра, и если ты...

– Раду! – крикнул донельзя разозленный Корнелий. – Прекрати! Поди немедленно сюда! Что за детское поведение?! Лучан, это мой помощник, не вздумай его повредить!

Он остановился, переводя дыхание.

Непривычное ощущение всплеска гневной энергии – второй раз за последние дни, да и вообще, наверно, за последние полгода, утомило и удивило.

Корнелий привык считать себя хладнокровным. То ли ошибался, то ли уже годы не те.

– Все в дом! – выдавил он. – И без лишних телодвижений. Всех сейчас представлю. Лучан, ты один пришел?

– А? Да нет, со мной слуга был, – гость недоуменно огляделся. – Киву! Киву, ублю... негодник, куда девался?

– Я тут господин, – раздался тихий голос из кустов неподалеку. – Я тут. Уж не переживайте, вот поутихнет малость, так я выйду. Подожду вас на крылечке, вы обещали, что в дом-то мне не надо заходить.

– А, к чертям тебя, труса, – махнул рукой гость.

Корнелий проследил, чтобы все спокойно вошли в дом, увидел, как Тию шепотом подзвала служанку, чтобы та подала чай в большую гостиную, и позволил себе выдохнуть.

Наверно, он просто слишком близко к сердцу все воспринимает. Надо будет попозже разобраться с мыслями, проанализировать ситуацию и сделать выводы, чтобы больше так не вспыхивать.

А пока...

– Я надеюсь, что все недоразумения разрешены, – сухо сказал он, усаживаясь в кресло. – Прошу, будьте знакомы: это Тию Матей и ее брат Раду Матей. Он мой помощник и секретарь. А это Лучан Митру, мой... добрый знакомый.

– Премного рад знакомству, любезная госпожа! – тут же поклонился Лучан, с Раду обменявшись только взглядами. – Корнелий, а ты остепеняешься, как я посмотрю! И почему же ты меня не уведомил, что будешь в этих краях? Уж до меня окольными путями дошло, и благо, что я был неподалеку по отцовским делам.

– Я не думал задерживаться, – поморщился Корнелий, думая о том, что планы опять рушатся. Ведь хотел время с пользой провести, а теперь незваного гостя надо развлекать. – Но случилось... а вот хочешь, расскажу? Пренеприятная история тут, по соседству. Но только между нами, это не моя тайна... вдруг ты что своими «окольными путями» знаешь? Тут совет не помешает.

Корнелий, нимало не смущаясь тем, что обещал князю ничего не рассказывать, поведал Лучану всю историю. Лучан сначала поглядывал на Тию с искренним беспокойством – как-то девица может эдакое слушать, и не надо ли уже нюхательных солей нести... но Тию, как и обычно, являла собой образец спокойствия и смирения.

Лучан ничего подсказать не смог и, к досаде Корнелия, взялся рассуждать о деле опять-таки в ключе мистическом. Они с Раду тут же сцепились в вопросе различия между волколаками и упырями, и Корнелий оставил их на попечение Тию, попросту сбежав в лабораторию.

На следующее утро Корнелий проснулся от металлического лязга под окном.

И от негромких, но сердитых воплей Лучана.

– Держи удар, болван! Куда ты запястье выворачиваешь? Ах, ты...

Злобное шипение Раду за этим всем едва было слышно.

Зевнув, Корнелий открыл окно и, ежась от осенней прохлады, имел удовольствие наблюдать, как Лучан и Раду азартно размахивают шпагами. Корнелий больше удивился, чем обеспокоился: судя по ругани Лучана, тот давал Раду уроки фехтования, а не пытался продолжить вчерашнюю стычку.

Раду фехтовал слабо, и видно было, насколько непривычна его руке шпага. Забываясь, он рубил наотмашь вместо того, чтобы наносить уколы. Лучан зверел, и от его ответных выпадов Раду спасала только природная ловкость и скорость реакции.

Корнелий с досадой вздохнул – совершенно не хотелось лезть еще и в это. Девчонка вполне может за себя отвечать сама, и...

– Раду! – крикнул он. – Если повредишь руки и не сможешь сегодня помогать, все договоренности аннулирую!

Лучан ловко выбил шпагу из рук отвлекшегося Раду и поднял глаза на Корнелия.

– Чего ты сделаешь? – удивился он. – Анну... что?

– Отменит, значит, – хмуро пояснил Раду и неожиданно поклонился. – Благодарю за науку, господин Митру. Мне пора идти.

– Иди, иди, – неласково отозвался тот. – Как освободишься, скажешь. Я еще сделаю из тебя человека, мальчишка. Чем ты раньше фехтовал?

– Отец учил нас на мечях, – пожал плечами Раду. – Но совсем немного. Братьев... старших – на палашах, а я только смотрел.

– Палаши! Доброе дело. Что помнишь? – оживился Лучан, и они вдвоем пошли в дом.

Корнелий слышал их удаляющиеся голоса и обсуждение различных видов клинков. Мысли сонно бродили от очередной штуки Раду к планам на сегодняшний день, потом перескочили на Лучана и его вечное пренебрежение науками. Похоже было на «Это же просто цифирь», которую выдавал Раду, когда ему в наказание приходилось изучать «Математические корни мироздания».

Потом Корнелий вспомнил и об уговоре – не о той части, что касалась расследования, а о том, что Раду обещал рассказать один свой секрет.

«Что бы такого спросить? – праздно думал Корнелий, одеваясь и умываясь. – Ее имя? Откуда они родом? Это можно и косвенно каким-либо способом выяснить. Что за враги их преследуют? Нужно ли мне и в это вмешиваться, я и так слишком много на себя участия взял в их делах...»

Так ничего и не решив, он спустился к завтраку.

«Быть может, спросить, что они ищут в столице? Их версия с родственницей, у которой они хотят устроиться, не слишком-то вызывает доверия, – думал Корнелий, машинально пережевывая тост под пикировку Лучана и Раду. – Но это опять будет так, что я вхожу в их дела, а мне и своих хватает».

– Что? – переспросил он, поняв, что Лучан и Раду смотрят на него.

– Я говорю, – повторил Лучан, – что написал отцу, о том, что задержусь у тебя на неделю. Ты, я надеюсь, не против?

Корнелий внимательно посмотрел в довольное лицо друга и закатил глаза.

– Конечно, против! – сердито воскликнул он. – Как ты себе это представляешь? У меня в доме... одна юная девица, пусть и с братом, но что болтать будут о тебе? От дома я тебе не отказываю, но, умоляю, остановись в гостинице!

– Это кто такой сидит? – громким шепотом спросил Лучан, склоняясь к сидящему подле Раду. – Тот Корнелий, которого я знал, и понятия не имел о разных там приличиях.

Раду невежливо воткнул вилку прямо в столешницу между пальцами гостя и буркнул:

– Люди меняются. Те, что умные.

– Ты на что-то намекаешь, мальчишка? – возмутился Лучан. – Намекаешь, да? Я второго такого невоспитанного юнца еще не видал! Мало тебя пороли?

– Дратья вилками за столом – крайне неприлично, – тихо сказала Тию, и поднявшийся звон тут же стих. – Я бы попросила вас больше так не делать. Мне очень жаль, господин Митру, что из-за меня возникла такая ситуация. Несомненно, вам накладно и неудобно будет жить в гостинице, и я приношу вам свои извинения.

Лучан тут же стих и ослепительно улыбнулся. Корнелий только вздохнул – уже и позабыл о том, насколько очаровательным в женском обществе может быть этот взбалмошный молодой человек.

Правда, Тию, кажется, имела ту же броню, что и Раду, потому что в ответ она только слегка кивнула.

– Что вы, разве я вас виною! – воскликнул Лучан. – А кстати, почему вы не наймете... как их называют?... компаньонку? Наверняка вам и в город не прогуляться одной, если эти двое постоянно заняты своими делами?

– О нет, – ответила Тию, – у меня вовсе нет такого желания... прогуливаться в городе. Достаточно сада и окрестностей. Здесь вокруг чудесные места.

Говорила она спокойно, но Раду резко повернулся к ней, будто услышав что-то иное под этими словами и ровным тоном. Спустя мгновение он отвел глаза.

– К сожалению, нам такое не по карману, – сказал он. – Если тебе вдруг захочется, я сам постараюсь составить компанию.

– Благодарю. Пока не стоит.

Корнелий мельком подумал о подоплеке разговора, оставшейся для него скрытой, но взгляд на карманные часы мгновенно перебил эти мысли.

– Раду, – сказал он, вставая из-за стола, – заканчивай с завтраком и присоединяйся ко мне в оранжерею. Мы поговорим об этом вопросе чуть позже. К обеду нас ждут в имении князя.

– Понял, – коротко кивнул Раду.

«Или все же спросить их настоящие имена? – думал по дороге в лабораторию Корнелий. – Будет забавно дразнить Раду».

– Ты почитала вчера то, что я сказал? – спросил он через плечо, услышав, как Раду вошла в оранжерею, притворив за собой дверь.

– Мастер Тенда, – сердито отозвалась она. – Я же просил. В доме тем более этот... гость. Мало ли.

– Да, я и забыл, верно, – безо всякого раскаяния ответил Корнелий, слишком погрузившись в наблюдение за весами.

Чересчур сильно качнул, укладывая щипцами грузик, и чаши никак не уравновесивались.

Раду перегнулась через его плечо и твердой рукой остановила качающиеся плечи весов.

– Очень уж они у вас старомодные, – сказала она. – У аптекаря в городе и то современнее. Точнее измеряют.

– Что ты говоришь? – поразился Корнелий. – А я думал, эти самые что ни на есть... хорошо, что сказала, прямо завтра и надо будет поискать, где раздобыть такие, как у аптекаря. Хотя бы мне их сначала посмотреть. Вдруг проще обойдется – эти переделаем как нужно, и все. Так что же насчет книги – прочитала?

– Не всю. Не успел.

– Жаль. Но главное, ты добралась до описания инвентаря?

Раду некоторое время задумчиво смотрела поверх плеча Корнелия на то, как он пересыпает серый порошок с чаши весов в колбу, потом призналась:

– Я на нем заснула... заснул.

– Ясно. Тогда как обычно, лови на лету, потом все запишешь. Ты в прошлый раз путала, теперь покажи мне, где здесь реторта, а где колба Бушау?

Раду без особой уверенности ткнула пальцем в нужные предметы, потом спросила:

– Мастер Тенда, если вы так не хотите называть ваши занятия алхимией, тогда к какой науке это все надо относить?

– Я работаю на стыке наук, – отозвался Корнелий. – Видишь, у меня план? Тут указано все, что я хотел бы проверить.

– Это странно выглядит. Тут что-то про цветы, а тут про корни мандрагоры, потом сразу про медь и свинец, а это... скрещивание? Что за слово такое? И где то, что мы вчера начали?

– Это не странно, – раздраженно ответил Корнелий, забирая лист бумаги из рук Раду. – Это обычный план. Про скрещивание я тебе потом расскажу. То, что мы начали вчера, не из этого списка, это я хотел сам... несколько раз встречал в старинных рукописях, и подумал, что... ну, пока неважно.

– Как же мне помогать, если я не понимаю, что мы делаем? Все «потом», да «потом».

– Ты просто из любопытства спрашиваешь, – отмахнулся Корнелий. – Потом... то есть, завтра я тебе кое-что покажу и тогда поймешь.

Раду непочтительно фыркнула.

Лучан из любопытства пытался уговорить Корнелия взять и его с собой в имение князя, но не удалось.

– Отправляйся по своим делам, – отрезал на прощание Корнелий. – Если возьмем тебя с собой, опять придется черт знает сколько времени сидеть за чаем и знакомиться с хозяйкой и дочками. Если хочешь, приезжай сюда к ужину.

Лучан надулся, как мальчишка, лишенный сладкого, но ненадолго.

– Ну и ладно, – пробормотал он. – Тогда потом расскажете, что найдете. Эй ты! Завтра снова привезу шпаги, не проспай!

Корнелий и Раду некоторое время смотрели вслед удаляющимся по направлению к городу всадникам – Лучану и его слуге.

– Я не хотел спрашивать, но все же любопытно, – сказал Корнелий. – Насчет ваших утренних экзерсисов. Это ты попросила уроков или он сам предложил?

Раду скривилась.

– Мы поспорили вечером, – ответила она. – Он заявил, что меня спасло только то, что вы с Тию появились, а то бы он убил меня. Ну и как-то в разговоре дошли до фехтования. Я сказал, что и без фехтования человека можно уложить, а в дуэли на шпагах, как ему хочется, я все равно не силен, и будет нечестно. Ну он и решил взяться за обучение. Мне кажется, что сейчас он уже забыл, зачем все затеял.

– Кто его знает. Порой мне кажется, будто в его голове мозгов куда меньше, чем у остальных... а порой он способен удивлять проницательностью.

Раду пожала плечами, явно сомневаясь в последнем.

– На этот раз нам не придется общаться с девицами? – спросила она. – Я бы лучше что у слуг поузнавал.

– Ты же понимаешь, что мы не можем полностью пренебрегать правилами приличия? Я бы и сам рад, но...

Вышло, правду сказать, куда как удобно для Корнелия и Раду: к тому времени, как они приехали верхом в имение, княгиня с дочерьми еще не вернулась.

– Моя супруга отправилась с визитом в город, – пояснил князь. – Я дал указание слугам всячески способствовать вашим поискам. Они по-прежнему думают, что это дело рук упыря, но считаю, это вам не помешает.

– Нисколько, – раздраженно ответил Корнелий. – Так и будем искать упыря, велика беда. Но прежде позвольте осмотреть ее комнату и вещи. Конечно, следовало бы это сделать сразу же, но как уж вышло.

Князь поджал губы, и его густые усы недовольно шевельнулись.

– Проходите в гостиную, я скажу, чтоб вам прислали горничную, которая с ней в одной комнате ночевала.

Горничная была прехорошенькая, круглолицая, светлоглазая, с тщательно приглаженными каштановыми кудрями. Она едва доходила Раду до плеча и все поглядывала на него из-под пушистых густых ресниц, то ли испуганно, то ли заинтересованно.

Корнелия она просто боялась. Даже вздрагивала сначала, когда он начинал говорить.

Провела их в крыло, где жили слуги – те же темные мрачные коридоры, что и на хозяйской части, только не украшенные ни картинами, ни охотничьими трофеями.

– А я вот как чувствовала в нутрях, – печально говорила горничная Вьорика, – не так что-то с Бинкуцей, будто сглазили ее.

Мелодичный голосок девушки журчал ручейком, разгоняя тишину коридора. Нужная комната была последней, самой дальней.

– Вот ее кровать, а моя у двери. Вещи-то ее не трогали, я только платье достала, в котором, стало быть, ее схоронили. Думала, ее родные приедут, а все никого нет. И что делать? А уж мне как страшно, я просила кого-нибудь со мной ночевать, не хотят. Я и сама не ночую тут, уйду к Манушеньке, хоть на полу, на одеялах, а все не так жутенько.

Она присела на краешек своей кровати и внимательно смотрела, что делают Раду и Корнелий.

– Позвольте узнать, что именно вам показалось странным в поведении Бинкуцы? – спросил Корнелий.

– Ч-чего? – поразилась Вьорика, распахивая глаза шире.

– Ты с чего решила, что Бинкуцу сглазили? – резко сказал Раду, переиначивая мудреный для девицы вопрос Корнелия.

– А, так... ну разное было. Тихариться она начала, позже возвращалась, чем обычно. У нас-то работа одна, и раньше мы в одно время заканчивали. Я ж приметливая. Вот она с неделю как все дольше возиться начала. Я уж и косу на ночь заплету, а она только возвращается. И иногда ее не найти никак было. Мне чего поручат иной раз, и Бинкуце скажут передать, а я ее везде-везде ищу, и не могу найти. А она потом говорит, что в доме была. И такая все грустная ходила, но врала, что все хорошо.

– Почему думаешь, что врала?

– Понятно же, что просто так человек грустный ходить не будет, – удивилась Вьорика. – А раз говорила, что хорошо, значит, врала. Господин, а что вы там думаете найти, в вещах-то? Упырский знак какой?.. А вдруг теперь упырь на меня смотрит, поджидает, а? Как уберечься?

Корнелий хотел было отмахнуться, но Раду опередил:

– Знак ищем, которым он ее причаровал и выманил. А ты если не хочешь на зуб попасться, ночью из дома не ходи, двери и окна не открывай чужим, как бы ни просили, и не отзывайся, если дважды позовут. Ну и подарков от чужих не бери, целее будешь.

– Поняла, господин, – закивала Вьорика, и в этот раз ее лицо исказилось так, что казалось, будто она вот-вот заплачет.

До того страх был более наигранным, чтоб молодой господин пожалел. Сейчас же она выглядела так, будто упырь уже заглянул в окно, заслонив осеннее солнце.

Корнелий внимательно осмотрел и кровать, и небольшой ларь с пожитками покойной девушки, заставил Раду слазить под кровать, поглядеть, что там. Никаких предметов, которые могли содержать яд или которые пахли бы им, не нашли.

Среди белья лежала завернутая в старую нижнюю юбку книга. Раду едва не уронил ее, и из-под обложки выскользнул то ли оберег, то ли памятка – два птичьих пера, связанных белой нитью.

Корнелий и не взглянул бы второй раз – мало ли что можно брать как закладку, а вот Раду, держа книгу в руке, поднял перья и подошел к окну, разглядывая на свет.

– Это что, и есть упырский знак? – шепотом спросила Вьорика, прищуриваясь, чтобы увидеть, что у Раду в руках.

– Нет, – резко ответил Раду и убрал перья за пазуху.

Корнелий забрал у него книгу, пролистал. Черная обложка, кое-где истертая до рыжих пятен, а внутри всего-то сборник поучительных рассказов.

– Она грамотная была?

– Да, маленько грамотная, – сказала Вьорика. – Письма писала родне, только короткие и медленно, туго у нее было с этим. Я ее просила почитать вот эту ее книжку, а она сказала, что скучная, да и она только по слогам умеет. А у нас разве есть что другое читать? У хозяйских дочек книжек много, да нам некогда их смотреть. Я иногда картинки разглядываю, когда пыль вытираю, так там страсть одна, то чудище какое в старом замке, то в лесу разбойники.

Раду тем временем обстучал и осмотрел ларь еще раз.

– А у нее ножа с собой не было? – спросил он невпопад.

Вьорика задумалась, а потом сказала:

– А был нож, да, господин. Она его в кармане юбки носила, говорила, что у них дома так принято, по хозяйству. Я еще тогда думала, зачем ей? Дурной обычай, придумают же люди.

– Особенный какой-то?

– Н-нет, не помню, господин. Я его и видела от силы два раза. Простой, с деревянной ручкой. А зачем вам?

– Да подумал, чего не отбивалась, – ответил Раду, и Корнелию показалось, что лжет, наобум выдавая причину.

Они еще немного расспросили Вьорику о том злосчастном вечере, но только убедились, что девушка ничего не слышала и не видела. Устала и проспала то, как Бинкуца уходила.

Оставив ее убираться, Корнелий и Раду вышли из комнаты. Раду настоял на том, чтобы забрать книгу и внимательнее изучить ее потом.

– Зачем тебе книга? Как это вообще может быть связано с нашим делом? – спросил Корнелий, когда они достаточно ушли от комнаты.

Раду некоторое время не отвечал, потом неохотно выдал, еще более скрипучим голосом, чем обычно:

– Я не знаю, что с книгой, но посмотреть ее необходимо. А вот перья вы заметили? Из книги выпало два пера. Я не силен в определении птиц, но одно из них точно рябое кукушкино, а второе, может быть, ястребиное. Вы, я думаю, не знаете, чей это знак. И девица не разглядела издали, а то бы поняла, к чему я про нож спросил... Я сглупил, правду сказать. Перья надо было сразу спрятать, чтобы она не видала. А то сболтнет еще.

– И что с ними не так, Раду?

– Мастер Тенда, с ними все не так. Вот такие два связанных пера – это знак охотников на колдунов. При старом короле они служили при дворе, отдельной канцелярией управлялись. А сейчас тайком болтаются по стране... и ладно бы перья, так еще и нож при ней был. Не совпадение это совсем, мастер Тенда.

– Я ничего не понял, – произнес Корнелий, – кроме того что ты, кажется, втянул меня в куда более мрачное дело, чем я полагал прежде.

– Здесь лучше об этом не говорить. Мало ли кому случится нас подслушать.

Глава шестая. Вежливость как оружие

– Погляди, что мы нашли, – скрипуче сказал Раду, кладя перед Тию два пера.

Девушка сидела у столика в малой гостиной и при виде связки невольно подалась назад, держа в руках недочитанную книгу.

– Мне сначала показалось, что это перья, как на шляпах кукушечьих стражей, – сказала Тию.

Вроде бы ровно, только в самом конце голос дрогнул.

– Что в них такого? – удивился Корнелий. – И что за кукушечьи стражи?

Он протянул руку, чтобы взять перья и рассмотреть ближе, но Раду оказался быстрее: стремительно ударил его по руке, отводя в сторону.

– Какого черта! – воскликнул Корнелий. – Ты же сам только что их трогал!

– Мне не страшно, – пожал плечами Раду. – А вам нельзя.

– Да, к таким вещам голыми руками лучше не прикасаться, – подтвердила Тию.

Она-то пододвинула их к себе небольшим ножом, которым обычно чинила карандаши, и сейчас склонилась над столом, изучая.

– Очень похоже, – сказала она. – А где вы их взяли?

– У погибшей девицы в вещах, – отозвался Раду. – И вот еще книга, в которой они лежали. Надень перчатки на всякий случай.

Тию изумленно поглядела на Раду и Корнелия.

– Надо же, – прошептала она. – У девушки?

– Рассказывайте! – потребовал Корнелий, тяжело опускаясь в кресло. – Нет, Раду, сначала позови горничную, пусть камин растопит и чаю принесет. С вишневой настойкой, мать его.

– Господин Тенда, я бы попросила вас не выражаться, – кротко произнесла Тию и сама встала, чтобы позвонить в колокольчик.

Пока горничная выполняла поручение, Раду и Тию присели за столом рядом и внимательно изучали книгу: смотрели страницы на просвет, с увеличительным стеклом, одолженным у Корнелия, и даже нагревали над зажженной свечой.

– Это просто сборник поучительных историй, – разочарованно сказал Раду. – Тут ни подчеркиваний, ни тайных знаков, ничего нет.

Он откинулся на стуле, а Тию подвинула книгу к себе, открыла на первой странице и начала читать.

– Итак, я слушаю, – напомнил Корнелий, капая в чашку терпко пахнущую настойку. – Перья, книги, охотники, кукушечьи стражи и прочее.

Раду поглядел на Тию, но та отмахнулась, увлекшись чтением.

– Охотники за колдунами или нечистью, ведьмовская канцелярия, Длинноносые – это потому что они везде лезли и шапки у них с эдакими клювами были, – «кукушечьи стражи» еще – это все одно и то же. При старом короле, который до войны помер, они в открытую служили. Говорят, и сами всяким колдовством баловались. Их вызывали, если где-то происходило что-то непонятное, или вот можно было нанять для сопровождения, если едешь через темное место.

– Темное место? – перебил Корнелий, который слушал и все более скептически кривился.

– Темное. Там, где старых богов остались следы или нечисть обитает... мастер Тенда, люди в это все равно верят. Поэтому охотников этих можно было много где встретить. А потом, как смута началась...

Раду теперь и сам скривился, махнул рукой.

– Их не то распустили, не то преобразовали. Но нынешний король, как первый раз ко власти пришел, их собрал снова. Только давал перья – это так говорится, мастер Тенда, – зна-

чит, разрешал набирать в охотники... не после обучения или отбора, а кому ни попадя. Даже разбойникам бывшим. Они не охотились на колдунов и не выслеживали нечисть. Отлавливали по указке свыше несогласных, на остальных страх наводили... всякое было.

– А ты узнавал, был ли при ней нож? – невпопад спросила Тию, отрываясь от книги.

– Да, был. Только соседка ее, кажется, не знала, что к чему. Я пожалел потом, что при ней перья достал.

– Простым людям и в голову не придет, что девушка могла быть охотником. Не женское дело... да и сложно представить, что тот, с кем ты в одной комнате спишь, настолько необычен, – произнесла Тию. – Думаю, та соседка и в голову ничего не взяла.

– Кто их знает, – с досадой отозвался Раду.

– А перья? Почему касаться нельзя? – спросил Корнелий

– Зачарованы могут быть, – ответил Раду. Потом вздохнул, видя недовольное лицо Корнелия. – Или отравлены. Не смертельно, просто чтоб на коже волдыри остались.

Тию в это время отложила книгу и задумчиво сказала:

– А ты ведь мог поспешить с выводами, Раду. Почему ты сразу решил, что она из охотников? Что, если это не она сама, а ее отец, брат или жених был охотником?.. он погиб, а девушка хранила перья в память о нем. Это куда более вероятно, согласишься.

– Но только никуда не ведет, – недовольно буркнул Раду.

Он прошел мимо камина туда-сюда, потом присел на подоконник, скрестив руки на груди.

– Я хочу завтра сходить в город, и в ту деревню, которая за лесом, порасспрашивать, – произнес он. – Скажу, что упыря ищу.

– Мы же собирались к аптекарю, – напомнил Корнелий, раздумывая о том, не приказать ли принести нагретого вина со специями. Несмотря на камин и выпитый чай, его все еще знобило. – Весы поискать... и у меня еще несколько поручений для тебя.

– И верно, – с досадой сказал Раду и задумался, пытаясь сообразить, как еще успеть на уроки фехтования, обещанные Лучаном поутру.

– А что, господин Тенда, – негромко сказала Тию, – быть может, если что-то нужно купить, то я схожу? Завтра у меня ровно никаких дел.

– А разве вам не полагается... компаньонка? Одной девушке ходить нельзя, верно? – спросил Корнелий. – Простите, я не очень хорошо в этом вопросе разбираюсь.

– Один раз я могу с собой горничную взять... думаю, что большого убытка хозяйству от этого не будет.

– Я и сам ведь хотел пойти. Раду! Это же прилично? Если я тоже пойду.

Раду недоуменно посмотрел на него.

– Ничего дурного не вижу, если с вами будет горничная, – сказал он. – Так значит, мне можно завтра сделать то, что я задумал?

– Валяй, – устало махнул рукой Корнелий. – Когда у нас ужин? Тию, прикажите подогреть вина со специями. По делам завтра утром отправимся, сразу после завтрака. И, Раду, не вздумай снова фехтовать у меня под окнами. Найди другое место.

Раду прищурился, но спорить не стал.

Следующий день выдался весьма приятным – солнечным и безветренным.

Раду и Лучан от души погоняли друг друга с палашами, и – к облегчению Корнелия, – Лучан сразу после завтрака отправился по своим делам, сожалея, что не может ни с кем разделить компанию. Накануне его отец прислал гневное письмо, и Лучан – больше не от угрызений совести, а от опасения получить еще больший нагоняй, – вернулся к выполнению отцовских поручений.

Они с Раду уезжали одновременно. В воротах повернули в разные стороны, и Корнелий с Тию, которые их провожали, стоя на крыльце, слышали окрик Лучана:

– Вернись завтра! Раду, встретишь упыря, не вздумай его трогать! Я тоже хочу его ловить, жди меня!

Ответ Раду был неразборчив, но по тому, как вздохнула Тию, Корнелий понял, что ничего приличного в нем не было.

– Сколько вам дать на сборы? – спросил он. – Я уже готов, буду ждать вас в малой гостиной.

– Постараюсь вас не задержать, – отозвалась Тию. – Сейчас позову Летуцу и оденусь теплее.

Корнелий не сразу понял, что Тию говорит о горничной – и сам себе подивился, прежде за ним не водилось такого. Даже не задумывался, как зовут новую кухарку и горничную. Поднабрался высокомерия у местных?

– К слову о ней, – сказал Корнелий, – я все хотел у Раду спросить – не та ли она девица, которую Раду так зрелищно защитил у гостиницы?

– Да, это она. А кухарка Мони – ее мать. Раду сказал, что им все равно нужно где-то работать, и нарочно отыскал их. Отец у них дурной человек...

Тию задумалась о чем-то, потом договорила:

– Надеюсь, что не сильно пострадал после разговора с Раду. Раду иногда такой вспыльчивый.

Корнелий закатил глаза, входя вслед за Тию в дом. «Лучше бы не спрашивал, – подумал он. – К чему мне новые заботы? Еще и обиженный мужик, который вдруг может прийти к нам за своей женой. Я теперь и не знаю, легче ли мне было без помощников... хотя скучнее, это верно».

Корнелия в городе не любили. За прежние свои визиты он уж и привык к этому, а сегодня только удивлялся, когда порой с ним останавливались поздороваться господа из приличной публики. «Город маленький, верно, все уже давно знают, что меня к князю вызывали», – равнодушно решил Корнелий.

Правду сказать, на простой люд это не распространялось. В аптеке хозяин не грубил, но цедил слова через губу, порой презрительно поглядывая на стоящих позади Корнелия девушек – «мол, знаем, что за дамы». Бакалейщик едва-едва держался на грани приличий, разве что не шваркая о прилавок товарами.

Да и пусть их. Еще бы не обсчитывали нещадно, а там что хотят, то думают.

– Ах, мерзавец! – с чувством воскликнул Корнелий, разглядев, что купил в аптеке.

– Что там, господин Тенда? – тихо спросила Тию.

– Не то дал, – процедил Корнелий. – Сказал же ему два раза, что нужно. Пойдите здесь, я сейчас схожу...

Тию остановила его, невесомо коснувшись рукава.

– Давайте я попробую, может, получится договориться, а не поругаться.

Корнелий только хмыкнул скептически, но девушка взяла из его рук склянки и спокойно отправилась обратно.

Корнелий сначала думал остаться снаружи, на прохладе, но любопытство разобрало его, и не зря – не пожалел, что вошел в аптеку следом за Тию. Летуца, которая тихой тенью брели за ними все это время, придерживая новую шляпку обеими руками, в этот раз попросилась остаться на улице.

Тихо брякнул колокольчик над дверью, и глухой звук рассеялся в воздухе.

В аптеке пахло пылью, травами... серой, спиртом. Мокрой собачьей шерстью и тонкими притираниями – удушающее месиво по ощущениям Корнелия.

Аптекарь, нервно вытирая руки холщовым фартуком, вышел из-за прилавка. Спросил, брезгливо кривя толстые губы:

– Что, господа, еще чего-то изволите?

Корнелий молча смотрел на его костлявые красные руки, покрытые ожогами и пятнами, думал о том, что аптекарь, верно, алхимией балуется. Еще о том, что ему немного жаль Тию, которая с чего-то решила, что ее вежливость и мягкость перебьют наглость и враждебность аптекаря.

– Еще раз доброго дня, – тихо произнесла Тию и улыбнулась. – А у нас такое недоразумение... Право, и не знаю, как быть. Вы, верно, не расслышали, когда господин Тенда вам заказ делал? Вот эта склянка – совсем не то, что ему нужно.

Она подняла на свет зеленую бутылочку, показывая аптекарю.

– Это ж вы что это? – фыркнул аптекарь. – намекаете мне, будто я дела своего не знаю? А, госпожа милостивая? А вы, может, сами мастер-медикус? Университеты заканчивали, что так разбираетесь в склянках?

Тон его был самый мерзкий, какой можно было придумать. Аптекарь сощурился, скривился, и узкие его темные глаза почти потонули в складках кожи.

Тию, однако, и не дрогнула. Она высоко вскинула тонкие брови и печально сказала:

– Вот как? Но что делать, ведь тут действительно не то что нужно... Должно быть, мой брат Раду ошибся, когда отметил, что ваша лавка из достойных... жаль, жаль...

Лицо аптекаря обмякло, глаза распахнулись широко, и он огляделся, будто бы Раду прямо сейчас мог стоять рядом.

– Я с ним спорить не буду, – продолжила Тию, – но предупрежу, что он мог... преувеличить свою оценку.

– Это что это? – шепотом, в ужасе спросил аптекарь. – Случаем, вы не про господина Раду Матея?.. а?..

– О нем, – кивнула Тию.

– Господин Раду – ваш брат?.. – шепотом переспросил аптекарь. – А что ж вы раньше-то не сказали? Марка!.. Марка! – крикнул он в сторону, – Бегом сюда, господам покупателям принеси стулья! А что там у вас не так, дайте погляжу... ох, глаза мои старые, ошибся, ошибся! Уж не держите зла на старика, сейчас в один момент все поправим, все сделаем как следует!

Он торопливо бормотал, восклицал и хватался за голову, а Тию лишь мягко улыбалась, будто бы прощая ему все это.

– Вы в следующий раз уж будьте осторожнее, – добродушно сказала она. – Мой брат в ответе за все снадобья, которые нужны господину Корнелию. Он несколько несдержан и может рассердиться, если увидит, что что-то не в порядке. Очень хорошо, что я заметила раньше него.

– «Господин Раду»? – спросил у нее Корнелий, когда они вышли из лавки, сопровождаемые мальчишкой-посыльным с их покупками.

– Раду так легко заводит друзей, правда? – улыбнулась Тию.

– Да, господин Раду такой, – тихо подтвердила Летуца. – Да простят меня господа.

Она быстро поклонилась, будто извиняясь за то, что заговорила.

К двум пополудни у Корнелия невыносимо болела голова. Тию, напротив, казалась более оживленной, чем обычно.

По крайней мере, так думалось Корнелию. Тию не смеялась и не болтала без умолку, как это полагается девицам ее возраста, но что-то определенно было иначе.

Не было настороженности? Тихого, но острого взгляда из-под ресниц, который каждый миг охватывал окрестности? Тию даже меньше улыбалась, хотя улыбка, как знал уже Корнелий, была ее первым оружием и защитой.

Впрочем, наблюдение за спутницей ничуть не ослабляло головной боли.

Вернувшись домой, Корнелий приказал растопить камин у себя в кабинете – к вечеру сильно похолодало. Летуца, едва успев надеть чепец, бегом принесла ему подогретого вина со специями. Корнелий подтащил к гудящему камину кресло, вытянул ноги и, пока решал в уме, что необходимо сегодня сделать в оранжеее, незаметно задремал.

Он не слышал, как ходили мимо него Летуца и приведенная ей Тию, как поздно вечером вернулся Раду, только сквозь сон услышал знакомый скрипучий голос.

– И давно он так? Летуца, подбрось дров и приготовь кровать мастера Тенды.

На лоб легла холодная ладонь, и Корнелий открыл глаза.

С трудом, будто веки деревянные были. Да и шея, казалось, тоже задеревенела.

– Все лицо горит, – с осуждением сказала Раду.

Ее черные волосы щекотно касались щеки Корнелия, потом Раду нахмурилась и, придерживая рукой голову Корнелия, прислонилась лбом ко лбу.

– Давно так? – сурово повторила она, отстраняясь.

– Господин Тенда еще вчера все просили везде натопить и согревались вином, – услужливо подсказала невидимая Корнелию Летуца.

– Я заболел? – с досадой, едва слышно спросил Корнелий.

Спросил больше у себя, чем у окружающих.

Лекарь... вот же позор! Сам не заметил, списывая все – теперь уже очевидные – признаки болезни на усталость и погоду.

– Господин Раду, я приготовила постель и грелки. Госпожа Тию сказала, что сама принесет прохладной воды... Матушка готовит яичную болтушку и...

– Отставить, – просипел Корнелий. – Еще мне сырых сладких яиц не хватало.

– Прошу прощения, – испуганно сказала Летуца, – но это самое лучшее средство, еще у нас бузина настаивается, все, как нужно, господин Тенда.

Корнелий начал было ворчать, но горло сводило от сухости и боли.

– Мастер Тенда, придется встать, – вмешался Раду. – Летуца, иди с той стороны, подхватишь, ежели чего. Вставайте, мастер Тенда, и держитесь за меня.

Корнелий и сам мог встать, не маленький. Несмотря на слабость и боль во всех суставах он вполне мог дойти до своей спальни. Но разве Раду когда кого слушал? Корнелий и забыл, насколько его помощник силен – Раду легко, рывком, выдернул Корнелия из кресла, поднырнул под его левую руку и, не слушая никаких возражений, потащил за собой, крепко сжимая под ребра.

В спальне было душно, и Корнелия сразу замутило.

– Окно откройте, изверги, – просипел он.

– Нельзя, – раздался строгий голос Тию. – Еще больше простудитесь.

– Вы меня еще поучите, как больных лечить, – огрызнулся Корнелий и охнул, когда Раду ловко толкнул его на постель. – Да подожди ты, хоть сапоги сниму... Сейчас полежу немного и сниму... Откройте окно, воздух должен быть свежим.

Он, наверно, задремал сразу после этих слов, потому что в следующий миг, когда пришел в себя, с него уже в четыре руки снимали сапоги. Густой воздух спальни разрезала тоненькая струйка холодного воздуха.

Потом он слышал, как Летуцу послали за яичной болтушкой и настойкой, и его снова замутило от мысли, что Раду вполне способен все это залить в него и без спросу.

– Приподнимитесь, я сюртук сниму и шейный платок, – скомандовала Раду.

От ее ледяных пальцев становилось хуже, контраст холода и внутреннего жара действовал раздражающе.

Корнелий слышал, как вышла Тию, что-то сказав при этом, потом на лоб лег прохладный влажный компресс.

Корнелий ухитрился схватить Раду за худое запястье.

– Подожди с... вашей народной медициной, – устало сказал он. – Лучше достань из моих вещей маленький синий саквояж. Там... да, этот саквояж. В нем шкатулка деревянная, открой... а, ключ – у меня на шее. Теперь дай мне, я сам возьму таб... пилюли. А ты пока воды налей. И оставь у меня тут кувшин с теплой водой.

Раду сделала все, как Корнелий сказал и с любопытством смотрела, как тот вытряхивал из продолговатых бутылочек плоские круглые пилюли – на диво ровные и одинаковые.

– Этих хватит, – тяжело сглатывая и запивая, сказал Корнелий. – Остальное убери, как было... Раду! Подожди, не уходи пока.

– Я не уйду, – удивленно отозвалась та.

Повернув голову, Корнелий увидел, как Раду, убрав саквояж, тащит дубовое кресло поближе к кровати и переставляет лампу на столике, чтобы та не светила Корнелию в глаза.

– Я тут посижу, – сообщил Раду. – Больных нельзя оставлять. Наутро меня Тию сменит.

– Глупости, нет нужды, – отмахнулся Корнелий. – Это всего лишь простуда, за три дня пройдет без следа.

– Да, конечно, мастер Тенда, – кивнула Раду. – Если хотите, могу что-нибудь почитать.

– Ты совсем меня не слушаешь. А кто из нас медик, я или ты? Мне лучше знать. Но... ладно, ты пока посиди, расскажи, где сегодня была и что узнала.

Едва Раду заговорила, Корнелий заснул.

Спал он дурно, то просыпался, то снова проваливался в чересчур яркие бредовые сны. Влажный компресс на лбу только раздражал, но сколько бы Корнелий его ни скидывал, кто-то терпеливо возвращал холодную ткань на место.

К утру стало легче, и Корнелий проспал и рассвет, и завтрак, и все свои обычные утренние дела. Когда открыл глаза, Раду уже не было, зато у подоконника на высоком стуле сидела Тию и, сурово хмурясь, что-то шила.

Она всегда так сердито кривилась, занимаясь шитьем, будто участвуя в небольшом сражении с тканью и нитками.

– Доброе утро, – просипел Корнелий, досадуя, что горло по-прежнему болит, и что он вчера сказал Раду убрать шкатулку с лекарствами.

Надо было оставить у кровати. Привычка всегда прятать такие вещи хоть и полезна, но в данный момент оказалась не к месту.

Тию встрепенулась, с облегчением отложила шитье в корзинку, стоящую у ног, и подошла ближе. Она прижала ко лбу Корнелия запястье внутренней стороной, и тот едва не увернулся. Слишком естественным был ее жест, и слишком беспомощным себя Корнелий ощущал от этого.

– Все равно жар, но уже меньше, – чуть удивленно сказала Тию. – Я думала, что вы еще неделю пролежите.

Корнелий сипло хмыкнул.

– Прикажите подогреть чаю, – произнес он. – И когда проснется Раду, скажите, чтобы она зашла.

– Раду не спит, – ответила Тию, подхватывая корзинку. – Он уже проснулся. Я вас оставлю тогда, пойду распоряжусь насчет чая и остального. Если что-то понадобится еще, пока не придет Раду, позвоните в колокольчик, я его рядом с вашей чашкой оставила.

– Уже проснулся? – удивился Корнелий. – Она ведь не спала почти всю ночь.

– О... Раду не надо много времени для сна. Он всегда спит очень мало.

– Тию, – позвал Корнелий, когда девушка уже была у дверей. – Это просто любопытство, но я давно хотел спросить... Даже сейчас, со мной, или наедине с Раду, вы все равно обращаетесь к ней, как к мужчине, верно? Почему? И это... не беспокоит вас?

Тию сначала выглянула в коридор, потом захлопнула дверь и сказала:

– Господин Тенда... может быть, вам этого не понять, но таким образом нам удалось спастись и выжить. У нас уговор с Раду – обращаться друг к другу именно так, по этим именам и в том роде, как нужно. Если мы будем переходить с одного на другое, то рано или поздно нас может подслушать кто-нибудь или же мы сами запутаемся и проговоримся. Поэтому проще все время говорить как надо, не сбиваясь.

Она снова положила пальцы на ручку двери и ненадолго задумалась. Потом твердо сказала:

– А что касается беспокойства... пока Раду говорит, что так нужно делать, значит, это правильно. Прошу прощения, господин Тенда. Отдыхайте. Сейчас принесут чай.

Она коротко кивнула и поспешно вышла.

– Вы обе странные, – сказал Корнелий Раду, когда та пришла с подносом в руках.

Раду удивленно посмотрела на него – желтые глаза из-под волос сверкнули даже насмешливо.

Корнелий к тому времени успел переодеться, справить все утренние дела и поставить шкатулку с лекарствами ближе к себе. Как и рабочую записную книжку с карандашом.

Раду пожала плечами, наливая в чашку чай, пахнувший как осенний сад.

– Может, и странные, – равнодушно проскрипела она. – Только вы тоже не самый обычный человек на свете, даже если думаете иначе.

– Глупости, – отозвался Корнелий, пытаясь определить по запаху, что положили в чай. – Смородина?.. и что-то травяное.

– Да, – кивнула Раду. – Я нарвал утром листьев дикой малины в лесу. Они уже, правда, не совсем, что нужно, но другого нет. А сушеной смородины у нас целый мешок, кухарка нашла.

– Не стоило утруждаться, – вздохнул Корнелий. – Мне и моих средств достаточно. Раду, сейчас я подкреплюсь и дам тебе задания. В оранжерее нужно будет по плану сделать все, что мы каждый день исполняем...

– Я уже все сделала, – прервала его Раду. – Вот тут каша на молоке, пока теплая, ешьте.

– А... молодец. А кроме каши...

– Ничего, кроме нее, мастер Тенда, каша очень полезна.

– Ты еще полечи меня, – пробормотал Корнелий. – Сама уже поела? Садись рядом и расскажи все-таки, что ты вчера узнала, что видела и где была. Потом поработаем.

Раду вздохнула, усаживаясь в кресло.

– Я так и подумала, что вы вчера заснули в самом начале рассказа, жаль, что сразу не поняла.

Глава седьмая. Правда или заблуждение

В этот раз Раду бдительно следила за тем, чтобы Корнелий не спал и не отвлекался от рассказа. И от завтрака.

– Чувствую, как помолодел лет на дюжину, – пожаловался Корнелий, доедая густую, но безвкусную кашу, – нет, даже лет на двадцать. Примерно столько времени меня не заставляли есть такую гадость. И вообще заставляли что-либо есть.

Раду безжалостно хмыкнула. Ей было прекрасно известно, что Корнелий вовсе не придиричив в еде, а ворчит просто так.

– Добралась я вчера не так уж далеко, – начала Раду, – и, кажется мне, что кое-что важное узнала, но не все понятно, как можно вместе увязать. Но я начну по порядку.

В то утро Раду выехала достаточно рано – чтобы успеть застать в городе тех, кто только-только открывал лавки и мастерские. Пройдясь по знакомым, Раду одновременно и покупки нужные сделала для Корнелия, и разузнала кое-что.

Если кто из лавочников и удивлялся вопросам, то виду не подал. Раду была не особо в духе, и не утруждалась скрывать это.

– Я узнавала, не происходило ли в округе чего странного, да не видно ли было где охотников. Старалась, конечно, осторожнее говорить, но... – Раду отвела глаза, – думаю, что все решили, будто вы, мастер Тенда, чего магическое учудили и теперь боитесь, что за вами придут.

Корнелий застонал с набитым ртом.

– А я думаю, что скоро прокляну тот день, когда вообразил, что вы с сестрой будете мне отличными помощниками, – сообщил он. – И почему из всех людей в этом невежественном краю в колдовстве подозревают именно меня?.. Нет, не надо отвечать. Лучше продолжай.

– По словам людей, ничего особенного в Тичанах не происходило. Хотя мне, конечно, кое-чего порассказывали, но это все обычные дела – и про слаз, и про пропавшую собаку, и про тени, что ходят у кладбища после того, как там похоронили разбойника. Я проверяла, мертвыми не пахнет.

Корнелий не удержался и скептически фыркнул, тут же подавившись кашей. Раду от души постучала его по спине и вернулась на место.

– Так вот, в Тичанах – ничего. И охотников тоже не встречали. Чужаков в это время года мало, все на виду. Хотя мне было гораздо интереснее, появлялись ли они раньше, когда Бинкуца поступила на службу в имение. Но тут не угадаешь, были ли они вообще, или же схитрили, показавшись тут в иное время, чтобы не бросать тень на девушку.

– Подожди, Раду, – сказал Корнелий, подняв руку. – Давай с тобой определимся. Я ведь правильно понял, что у тебя две основные версии произошедшего? Одна – что девушка была охотником, кого-то выслеживала и ее убили?

Раду кивнула.

– А вторая? Что она не была охотником и ее... просто убили? Случайно, что ли?

Раду пожал плечами. И скривилась в ответ на укоризненный взгляд Корнелия.

– Это не версия, Раду. И так у тебя ничего не выйдет. Если ты собралась подгонять все под свое представление, лучше брось уже сейчас и не трать время. Если же ты хочешь на самом деле раскрыть эту загадку, то следует сначала подготовиться. Определить, основываясь на уже известных фактах, что могло стоять за смертью девушки. Разобрать ее последние дни, узнать, с кем она общалась, куда ходила, и прочее и прочее. Сделала ли ты это?

– Почти, – призналась Раду. – Все выяснить не получилось, потому что нельзя было же расспрашивать хозяев имения...

Она достала из кармана свою записную книжку и пролиставла страницы, чтобы зачитать Корнелию основное.

Ее прервали: в коридоре послышались размашистые шаги, и, коротко постучав, в комнату ворвался Лучан.

– Корнелий! – воскликнул он. – Вот беда! На тебя напали? Вы на след упыря встали?

– Что ты несешь? – поразился Корнелий. – Кто на меня напал? Я простудился на днях, вчера лихорадило, да и только.

– Я думал, ты никогда не болеешь! – удивился Лучан. – Ты же медикус? Разве вы болеете?

– Представь себе, да, – сухо отозвался Корнелий. – Получение ученой степени никак не влияет на иммунитет.

– На что не влияет? – переспросил Лучан. – А, ладно, не говори, я все равно не запомню. Мальчишка, ты не ловил без меня упыря? И где твоя сестра? Мне нужно засвидетельствовать свое почтение.

Раду прищурился подозрительно: за спиной Лучан прятал небольшой, но пышный букет голубых колокольчиков. Лучан поймал взгляд и угрожающе сверкнул глазами.

Корнелий ничего этого не заметил и поэтому отослал Лучана в оранжерею, где чаще всего можно было встретить Тию.

Когда Лучан умчался, Корнелий недовольно сказал:

– А вот тоже странность, Раду. Ни погода не располагала к простудным заболеваниям, ни окружение – все ведь здоровы. Откуда у меня взялась лихорадка?

Раду пожала плечами.

– А вы перья-то не трогали, точно? – с подозрением спросила она. – У них дурной отзвук, какие-то чары. Может, охранные. Такие, что болезнь насылают.

Корнелий отмахнулся с досадой, не в силах спорить. Проще было представить, что он подхватил заразу у кого-нибудь из обитателей имения – отбросив при этом, что никто из них не выглядел больным. Не признаваться же, что Корнелий и в самом деле трогал и рассматривал перья, пока Раду и Тию изучали книгу.

– Лучше давай вернемся к нашей теме, – сказал он. – Читай, что у тебя там записано.

Раду фыркнула и снова зашуршала страницами записной книжки.

– Бинкуца... Бинкуца появилась в имении в прошлом году. С хорошими рекомендациями от родственников князя, которые живут через перевал, ближе к столице.

– Удобно, – заметил Корнелий. – Рекомендации проверяли?

– Управляющий имением читал их и счел достаточными. Чин по чину оформлены, сказал он. Тревожить господина князя, чтобы тот писал родственникам и переспрашивал о девице, управляющий, конечно, не стал. Не того полета птица: и он, и сама Бинкуца. Управляющего зовут Стан Монтяну. Он много говорит, да больше не по делу. А то, что на самом деле интересно, скрывает.

Раду вздохнула, потом перелистнула страницу.

– Бинкуца была исполнительницей и покладистой девушкой, хотя все говорят, что любила поболтать. Работала в охотку, но не очень умело. Поначалу ее до господских покоев не допускали, она тонкую работу не знала, но быстро училась.

– С чего же рекомендации хорошие? – хмыкнул Корнелий.

– А она говорила, будто бы только уборкой да стиркой занималась, а родственники князя жили попроще, вот и не было нужды знать, как чинить да гладить кружева или плиссировку делать. Еще она очень любила истории всякие слушать, про любовь или привидения. Другие горничные сказали, что она по два-три раза готова была слушать одни и те же побасенки, и про хозяев с удовольствием сплетни узнавала. Не болтала сама о них, а только слушала. Еще сказали, будто у нее жених был, то ли в городе, то ли в той деревне, что через лес. Откуда молочник ходил. Бинкуца прямо не говорила, но намеки соседке делала.

– Это с которой мы тогда беседовали? – спросил Корнелий. – Что-то не помню, чтобы она рассказывала о женихе.

– Я потом с ней разговаривала, – отозвалась Раду. – Она при вас боялась, да и дури в ней много, все об упыре думала.

– То есть Бинкуца уходила куда-то и намекала на то, что у нее есть жених? – сделал вывод Корнелий.

– Да, – кивнул Раду. – Уходила. Если вдруг давали выходной, и порой по вечерам, но не часто. Всегда возвращалась затемно. Это первый раз, когда ее не было всю ночь. Ни с кем чужим она не разговаривала последние дни, и не отлучалась из дому.

– Я бы посоветовал тебе собрать все сведения о тех, кто живет в доме: и о хозяевах, и о гостях, и о слугах, – задумчиво сказал Корнелий. – О том, какие у нее были отношения с ними. Где еще ее видели. Где ее родня... они, кстати, появились? Чтобы забрать вещи? Помимо того, необходимо узнать, откуда взялся яд. Хранится в доме? Кто-то недавно покупал? Если в Тичанах, то это легче, если нет, то узнать, уезжал ли кто-либо надолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.